

INSPIRIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР ПОЛЬШИ

БЕЗ МОЛВ НАЯ

РЕМИГИУШ
МРУЗ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Польша

Ремигиуш Мруз

Безмолвная

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

Мруз Р.

Безмолвная / Р. Мруз — «Эксмо», 2018 — (Ток. Национальный бестселлер. Польша)

ISBN 978-5-04-120272-9

Национальный бестселлер Польши. Самый популярный писатель страны. Спустя десять лет после трагического исчезновения невесты Дамиан Вернер уверен, что больше никогда ее не увидит. Но вот однажды кто-то разместил на одном из интернет-порталов по поиску пропавших людей фото девушки, очень похожей на Еву. Что это – не более чем случайное сходство? Но неизвестный почти сразу загружает в интернет второй снимок. Фотографию Евы, которую сам Вернер сделал за несколько дней до ее исчезновения – и с тех пор никому не показывал. Кто, кроме него, ищет Еву? После стольких лет все, в том числе и полиция, думали, что ее уже нет в живых... Дамиан знал свою невесту с детства; они были неразлучны. Однако в поисках ответов на свои вопросы он выясняет, что ему было известно о ней далеко не все... Этот роман — крик о помощи, страстный протест против семейного насилия и кошмаров за закрытыми дверями. Его события взяты из реальной жизни — вот почему они такие реалистичные и шокирующие... Для тех, кто знает, что молчание — самый громкий крик. «Сначала мы узнали Стига Ларссона, затем – Ю Несбё. Теперь пришло время нового автора-сенсации, ворвавшегося в наш мир. Своим новым романом Мруз начинает новую мощную волну польских триллеров». — Тесс Герритсен «Ремигиуш Мруз – самый “горячий” автор в польской остросюжетной литературе». — Newsweek «Эта история берет вас за горло и забирается под кожу — пугающая и до боли реалистичная». — Cosmopolitan «Шокирует и не отпускает до самого конца. Этот роман — нечто большее, чем просто классный триллер». — Gazeta.pl «Мруз доказывает, что он – мастер удивлять». — NaTemat «Концептуальный триллер. Невероятная концовка заставляет нас вспомнить самые лучшие голливудские сценарии». — Kurier Poranny

УДК 821.162.1-312.4

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-120272-9

© Мруз Р., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I	7
1	7
2	10
3	16
4	21
5	26
6	32
7	37
8	43
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ремигиуш Мруз Безмолвная

Remigiusz Mróz
Nieodnaleziona

© 2018 Remigiusz Mroz.

© Садыков В. Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Для тех, кто знает, что молчание – самый громкий крик.

*На свете есть два рода мужчин – те, кто защищает права
женщин, и трусы...*

Абайда Махмуд

Часть I

1

Если б я сделал ей предложение минутой раньше, никогда такого не случилось бы. На нас бы не напали, я не оказался бы в больнице, а она не исчезла бы навсегда из моей жизни. Всего лишь тридцать секунд, а может, и меньше, но иногда достаточно и этого, чтобы в один миг была перечеркнута вся жизнь. И чтобы то, что от нее уцелело, стало бы заполнено исключительно попытками забыть произошедшее...

Для меня эти попытки безуспешны. Бесконечно мысленно возвращаюсь к тому событию и представляю, как бы все сложилось, если б мы выпили пива на кружку меньше, вышли бы из паба и закончили бы курить у реки хотя бы на минуту раньше...

Психологи называют такое явление контрфактическим мышлением, основанным на представлении альтернативного сценария уже произошедших событий. Это явление не считается редким или негативным, так как в будущем позволяет избежать допущенных некогда ошибок и даже способствует укреплению морального духа, придавая человеку уверенность в том, что он сам распоряжается собственной судьбой.

Однако в моем случае эффект был абсолютно противоположным. Я все больше погружался в депрессивное состояние, с усилением чувства вины за случившееся и бессилия от невозможности влиять на окружающий мир.

Я постоянно повторял себе, что достаточно было вынуть тот перстенок из кармана хотя бы на несколько секунд раньше. Но я не вынул... Каждый, даже самый маленький, шаг того яркого дня, каждое, даже самое благое, решение вели к тому, что случилось...

Тот субботний вечер десять лет назад начался обычно. Мы с Евой выбрались в наш любимый пивной бар «Горец», расположенный в старой части Ополя на небольшой улочке возле реки. Нам, как его давним постоянным посетителям, позволялось легально употреблять в пивбаре крепкий алкоголь. Бывая там, мы нередко усаживались тогда на Ложе Шидерцев – местечке на берегу речки Млыновки. К нему сразу за пивным баром вели узкие ступеньки. Не знаю, кому лет десять назад пришло на ум так назвать низенькую каменную стенку, но название пристало прочно.

Когда мы спустились вниз, Ева уже что-то предчувствовала, но никак не связывала это с группой мужчин, допивавших пиво в «Горце». Она досконально знала меня и с самого начала вечера не могла не заметить и мое, невесть откуда взявшееся, нервное напряжение.

Мы были вместе с незапамятных времен. Обстоятельства сблизили нас еще в восьмидесятих годах, в детстве, когда оба, беззаботные, мы слонялись по окраинным задворкам при улице Спыхальского в Заодерье и отнюдь не ведали о том, что нам готовит жизнь...

Очень скоро мы стали неразлучными. Пошли учиться в один класс начальной школы, в возрасте десяти лет впервые поцеловались на ступеньках школьной раздевалки. В выпускном классе, однажды после школьной вечеринки, сблизились совсем.

Перед окончанием школы многие прочили нашим отношениям скорый конец. Тем более что Ева собиралась учиться в политехническом, а я – в университете. Кроме возможной реализации «пророчеств» знакомых, мы могли также пасть и жертвами нашей подверженной испытанию неразлучности. Но все сложилось иначе.

Мы сняли квартиру, стали жить вместе и планировать наше совместное будущее. Мне реально казалось, что это не баловство, и, думается, Ева тогда считала так же...

Я выбрал Ложу Шидерцев, потому что это было, пожалуй, единственное место в Ополе, где мы провели так много времени – выкурили там километры табака, выпили гекалитры дешевых вин и впервые попробовали вертеть «косяки».

Прежде в нем не было ничего романтического – просто небольшой кусок замусоренного речного берега, спрятавшийся под хилой кроной одинокого старого дерева. Когда же я делал Еве предложение, все уже изменилось. Это место стало частью опольской Венеции – заново обустроенного побережья, на котором более всего выделялся ряд разноцветных домов, едва не касающихся воды.

Ложа Шидерцев этому соответствовала. А может, мне так казалось...

Я преклонил одно колено – и, наверное, чувствовал бы себя при этом последним идиотом, если б не изрядное количество алкоголя, выпитого перед этим. Ева же театрально поднесла ладонь к губам, демонстрируя этим жестом, что прекрасно знала, чего добивалась.

Я надел перстенок ей на палец, и мы, крепко обнявшись, поцеловались, а потом на мгновение застыли в молчании. Мы были так близко друг к другу, что тишина казалась спайкой нашего союза, а не частью разделяющей людей пропасти.

Охваченные счастьем, ощущая себя блаженно и беззаботно, мы, обнявшись, стали подниматься по ступенькам к пивбару и небольшой автостоянке возле него.

Едва мы миновали дверь заведения, как из него вышли несколько посетителей. Они, судя по всему, были крепко подвыпившими и потому пьяно и громко гомонили, шутливо толкая друг друга.

Вполне вписываясь в пейзаж опольской субботней ночи на площади, эти люди не вызвали у нас беспокойства. Но через несколько секунд все изменилось.

Один из них уставился на Еву и замолчал. Будто неожиданно оказался в центре смерча. Собутельники окликали его, подталкивали, но он не трогался с места, уставившись на мою невесту. Потом выдал из себя:

– Во бл...

Постоянно мысленно возвращаясь к тому моменту, вижу взгляд и слышу голос того человека, испытываю те же чувства...

Я крепче обнял Еву, и мы ускорили шаг. Тот, который выругался, заступил нам дорогу. Его собутельники сначала недоумевающе глянули на него, а потом обступили нас со всех сторон.

– Что-то не так? – бросила Ева.

Теперь я понимаю, что это мне надо было что-либо сказать, переключить их внимание на себя. И тогда события, может, повернулись бы иначе.

А может, и нет...

– Ну... – отозвался один из них.

Остальные затихли и посерьезнели, внезапно сосредоточив внимание на Еве, а я записывал. На окраине никого не было, возле речки тоже ни души, а чуть подальше, на площади, мы могли рассчитывать только на случайных прохожих.

Ева произнесла «сорри» и попыталась пройти, но ни один из мужчин даже не шевельнулся, чтобы пропустить нас. Мы оказались почти вплотную к ним, и мне казалось, что сердце мое вот-вот выскочит из груди.

– В чем дело? – спросил я.

– В том, что вы оставили кое-что внизу, – ответил самый крепкий из них, показав в сторону ступенек.

Остальные не были такими мускулистыми, но это не имело никакого значения. Их было пятеро против одного. Даже ежедневно занимаясь боями без правил, я все равно не справился бы с ними.

В этом убеждал первый же удар, чуть не сваливший меня на землю. Я услышал, как Ева что-то крикнула, но в голове моей так громко загудело, что я даже не разобрал ее слов.

Они схватили нас за одежду и поволокли к Ложе Шидерцев. Я сориентировался лишь тогда, когда мы снова оказались у реки. Попробовал было вырваться, но один из них придержал меня, а второй нанес еще три или четыре удара, от которых я свалился под деревом, где мы когда-то выкурили первый «косячок».

Я не чувствовал металлического вкуса крови на губах, хотя она лилась с них ручьем. Все вокруг было для меня словно в тумане, хотя замутненным взором я увидел, как неподалеку Еву бросают на землю.

Они что-то говорили, смеялись, Ева кричала... До сих пор не могу выловить в памяти тех ее слов.

Попытался встать, но меня быстро вернули в лежачее положение. Хватило одного расчитанного удара. Упав, я сразу начал ползти к невесте.

Они уже занимались ею. Один сорвал блузку, другой начал с силой тискать ее за грудь. Безуспешно пытаясь приблизиться к ней, я кричал, но мне казалось, что беззвучно...

Был момент, когда, казалось, мои жалкие потуги достигли цели, но пинок в голову на какое-то время погрузил меня во тьму. Когда я снова смог видеть, один из них сдирал с Евы брюки.

Мир сделался нереальным, придавленным чем-то тяжелым, как и крик моей невесты, когда один из напавших закрыл ей рот.

Я грозил, проклинал и умолял их, чтобы перестали. Когда же мне не осталось ничего иного, начал молить Бога, чтобы он вмешался. Обещал ему все, лишь бы только Он сохранил Еву.

Потом увидел ее красивое красное белье, которое она недавно купила, сказав, что «для специального случая».

Хочоха, насильники сорвали с нее трусы. Первый из них спустил брюки и лег на нее. Другой поднял мне голову, чтобы я мог видеть происходящее, и при каждой моей попытке вырваться отвечивал подзатыльник.

Я кричал, все так же стараясь приблизиться к своей невесте, рыл ладонями землю, но не смог придвинуться к ней и на полметра, когда насильник кончил.

Потом на нее лег очередной. Напирал мощно – как будто хотел ее сплющить. Был слышен ее плач. Я видел, как она старалась оттолкнуть насильника, но все ее попытки сопротивляться не имели ни малейшего шанса на успех.

Мне удалось немного приблизиться, пока остальные вновь перестали обращать на меня внимание. Один из них подошел ко мне, что-то сказал и поднял ногу. Пока он опускал на меня тяжелый ботинок, я еще успел глянуть на Еву. Выражение страдания, боли и унижения врезались мне в память, потому что я видел ее в последний раз...

По крайней мере, до того момента, когда через десять лет мне на глаза попало ее фото в «Фейсбуке».

2

Личности напавших так и не были установлены. Не были найдены ни они, ни моя невеста. Она бесследно сгинула, как и жизнь, которую мы собирались прожить.

Дело не в том, что я жил без Евы. Моя жизнь по сравнению с той, которая некогда замышлялась, стала иной во всех направлениях.

Так, после успешного окончания лицея я мог бы изучать экономику во Вроцлаве, Познани или Кракове. Каждое учебное заведение приняло бы меня с распростертыми объятиями. Но я выбрал Опольский университет и проживание в Ополе лишь потому, чтобы быть рядом с Евой, которая всегда твердила, что не хочет оставлять город.

Уговаривать меня было не нужно – ведь учитывалось только ее мнение. Мои высокие результаты в учебе позволяли надеяться, что я смогу найти в Ополе хорошо оплачиваемую работу. Может, не престижную, но позволяющую нормально жить. Большого не требовалось.

Однако вуз я не окончил. После той ужасной ночи никак не мог прийти в себя...

Первые месяцы после этого я был как заведенный, лихорадочно пытался найти хоть какие следы своей невесты. Использовал все возможности, задействовал все пути, поднял на ноги все органы, организации и товарищества, которые хоть как-то смогли бы оказать мне помощь в этом. Увы...

Ева словно исчезла в черной дыре. Те, кто напал на нас, в Ополе были, скорее всего, проездом. Поначалу я был уверен, что они из какого-нибудь пригородного села, но спустя несколько месяцев исключил это предположение. В течение минувшего времени кто-нибудь точно узнал бы их. Пока же они оставались неизвестными. А их лица, невыразительные и враждебные, продолжали существовать только в моей памяти.

За эти несколько месяцев интенсивных поисков я просто обессилел. Распрощался с наукой, закрылся в нашей квартире и большую часть времени проводил, все более погружаясь в подобие летаргического сна. Много пил и постепенно отдалялся от внешнего мира.

В дальнейшем все стало сводиться лишь к открыванию пива и к тому, как поскорее убить время. Чаще всего я прибегал для этого к помощи компьютерных игр, вроде «Дэд спейс», «Лефт фор дэд», «Джи-ти-эй IV» и «Фоллаут 3». Они заменяли мне реальную жизнь. Может, благодаря им я как-то и выжил. Причем выражение «как-то» – ключевое.

Наконец до меня дошло, что возвращаться к прежним планам уже слишком поздно. В вузе я должен был бы очень многое наверстать, наврать что-то руководству, а кроме того, вынужденно распрощаться со всем, что столько времени поддерживало меня в жизни.

Примерно через год после случившегося на Ложе Шидерцев я вернулся на то место и устроился барменом в «Горце». Работал там довольно долго – настолько долго, что знал каждую царапину на прилавке и всех клиентов.

Насильники Евы так и не появились. А я даже не понимал, действительно ли когда-либо на это рассчитывал...

Я перемещался из заведения в заведение, нигде не «нагревая место», не завязывая с кем-либо близкие отношения.

В городе, где проживают сто двадцать тысяч человек, каждый был мне по крайней мере известен. Но никто, наверное, даже не задался вопросом, почему я, хотя с той ужасной ночи миновало почти десять лет, продолжаю оставаться холостяком.

Был я им и когда нашел работу в новом ресторане, открывшемся на площади неподалеку от памятника, который мы называли «Баба на быке». Ресторан, названный «Икс-Спайс», специализировался на приготовлении блюд индийской кухни, а я стал работать в нем кельнером. Это было единственное в Ополе заведение такого типа, расположенное в удачном месте, а зар-

платы мне хватало на оплату квартиры, выпивку и безлимитный интернет. Ни на что больше я не претендовал.

В течение минувших горьких лет мне помогал Адам Блицкий, которого мы в начальной школе называли Блиц, Блицер и Блицкриг. Он был единственным, кого я в полном смысле мог назвать другом.

Мы никуда не ходили вместе. Я не бывал у него, а он у меня – просто отказался от этого после нескольких неудачных попыток, «не застав» дома. Зато регулярно посещал все заведения, где мне доводилось трудиться, словно они были его любимыми. Это длилось почти десять лет и устраивало нас обоих.

Обычно он являлся с хорошими новостями, будто считал для себя делом чести взбадривать меня. Но в тот день получилось иначе.

Блицер вошел в «Икс-Спайс» с ноутбуком под мышкой, осмотрелся и, усевшись за столик возле окна, кликнул меня:

– Вернер! – и призывно взмахнул рукой, всем своим видом демонстрируя, что вопрос не терпит отлагательств.

Я подошел неспешно, потому что чаще всего он привлекал вещами, к которым я был равнодушен. Остановившись возле столика, не успел и рта раскрыть, как Блиц, не дав мне вымолвить слова, нервно пригласил:

– Садись! – и протянул раскрытый ноутбук. – Посмотри!

Было раннее утро. В ресторане находился лишь один клиент, которому минутой раньше я подал «Манго ласси»¹. Я не должен был принимать приглашение, так как за болтовню со знакомым мне досталось бы от шефа, но все-таки присел сбоку и глянул на монитор.

– Не говори мне, что это не она! – выпалил Адам.

– О чем ты?

– Глянь! – настаивал он, касаясь ноутбука.

Система вышла из состояния сна, и на экране показался пост из «Фейсбука». Снимок был с небольшим дефектом, но не с таким, чтобы возникли трудности с опознанием того, кто на нем запечатлен...

Меня охватило такое ощущение, словно воздух вокруг наэлектризовался и предвещает бурю. Но гром гремел не где-то вдаль, а тут же – надо мной.

Ева!..

Она изменилась так, как меняются люди через десять лет – заметные мимические морщинки, незначительная полнота, слегка подкрашенные волосы... Возможно, сделала коррекцию формы носа, но я не был в этом уверен, поскольку видел только ее фотоснимок.

– Как? – выдавил я, не будучи в силах сказать еще что-то.

Блиц, обычно реагиовавший, в соответствии со своими прозвищами, на все молниеносно, на этот раз словно впал в ступор и ничего мне не ответил.

Мне казалось, что мир вокруг меня становится все более нереальным – точно так же, как десять лет назад на берегу Млыновки. Во рту и горле все пересохло, словно они были заполнены невесть откуда взявшейся ватой...

– Как такое возможно?

– Не знаю...

– Что это за паблик-страница?

Вопрос вполне характерный для нашего времени. Когда-то прежде я начал бы просто расспрашивать Блица, где он это нашел, где снято и так далее. Сейчас же даже не подумал бы так делать, потому что ответом приятеля было сказано все:

– Указано «Вроцлав».

¹ «Манго ласси» – индийский коктейль, приготавливаемый из взбитого йогурта и мякоти манго.

Я потряс головой и только тогда понял, что все происходящее – правда. Взялся за затылок и нервно огляделся. Я чувствовал себя зверем в темной непролазной глуши, которого настигает куча охотников.

– Это действительно она, Вернер.

Я заставил себя кивнуть.

– И находилась не более чем в ста километрах отсюда.

Взяв себя в руки, я снова склонился над ноутбуком. После многолетнего поиска появился, наконец, какой-то след, и с ним – тень надежды получения ответов на все вопросы, роившиеся в моей голове почти десятилетие.

С чем она столкнулась после изнасилования? Почему бесследно исчезла? Как жила все эти годы? Знала ли нападавших?

Все догадки и неподтвержденные предположения вернулись, как эхо артиллерийского залпа, сровнявшего с землей весь мой мир.

Я посмотрел на снимок. Ева была, видимо, сфотографирована во время какого-то концерта на свежем воздухе. Был поздний вечер, но сцена привлекала внимание феерией шальных, можно сказать сумасшедших, красок.

Она не смотрела в объектив. Может, даже не знала, что кто-то ее снимает. Смеясь, указывала рукой в сторону сцены. Возле нее стоял мужчина в водолазке, держа рукой за плечо, будто хотел обратить внимание или притянуть ее к себе. Лица мужчины не видно, поскольку он был сфотографирован со спины. На серой блузе с капюшоном выделяется логотип «Фу файтерс» – бомба с крыльями и надпись на английском языке «Нечего терять».

«Фу файтерс». Любимая рок-группа Блица, которую он слушал с 25 лет, когда некоторые хотели поразить ровесников собственным исполнением лироевского² «Складного ножа» и тайком заслушивались саундтреком к «Истории игрушек».

– Это... их концерт? – начал я неуверенно. – Ты был на нем?

– Был.

– Бл..., не мямли, Блиц! Видел ее?!

Хотелось схватить его за плечи и потрянуть, но я вовремя сдержал себя. Сердце в моей груди колотило, как молот, по всему телу шла горячая волна. Разум, наоборот, пытался понять, что происходит, и не давал потерять чувство реальности.

– Нет, – ответил Блиц. – Увидел ее только на этом снимке полчаса назад, когда...

– Как ты на нее натолкнулся? Кто ее снял? – прервал я его, понимая, что если не сдержу эмоции, то просто взорвусь. Закрыв глаза, расслабился и несколько секунд оставался недвижим.

– Если дашь мне сказать, все расскажу.

– Говори, – бросил я.

– Этот концерт был вчера. Группа «Фу файтерс» играла на городском стадионе.

– Вчера?!

– Спокойно...

Я набрал воздуха и придержал его в легких.

– Ты не говорил мне, что собираешься...

– Потому что мы не разговариваем о таких вещах, – ответил Адам, пожав плечами. – Тебе всё до задницы, а у меня нет необходимости делиться этим, как, к примеру, встречей с хорошей кунницей...

Только Блиц мог так отозваться о женщине. В другой раз я, конечно, в долгу не остался бы, но сейчас мне даже не пришло в голову поквитаться.

² Лирой (наст. Петр Кшиштоф Мажец, р. 1971) – популярный польский рэп-музыкант, музыкальный продюсер, предприниматель и политик.

– Так было и в этот раз, – добавил он, не отводя взгляд от снимка. – Увидел мельком девушку, а потом в суматохе она вылетела у меня из головы. Однако с самого утра я начал искать ее – и в итоге попал на эту страницу и... на снимок.

Теперь мы оба всматривались в фото, как в алтарь. В отличие от мужчины, на Еве было изображение логотипа другого коллектива, от названия которого виднелся только кусочек – «Гутьеррес и Анжело». Название альбома или песни – «Лучшие дни» – ни о чем мне не говорило.

Молчание затягивалось, а я и не заметил, как единственный клиент в заведении уже выпил «Манго ласси» и теперь нетерпеливо осматривался.

– Может... – начал я неуверенно. – Может, я просто поторопился узнать ее?

– Что?

– Это невероятно! Через десять лет она должна была так внезапно появиться?

– А как иначе?

Вопрос был хороший. Так же, как и другие.

Может, я, охваченный надеждой, слишком поспешно признал, что это Ева? Или нет? Действительно, на снимке она...

– Христе, – простонал я, а потом потряс головой и констатировал: – Выглядит счастливой.

– Она же на концерте «Фу файтерс».

– Но...

– Ты считал, что в течение десяти лет кто-то держал ее запертой в подвале?

– Не знал, что и считать...

Это была чистая правда. Версий было достаточно много – часть надуманных мной, часть возникла стараниями журналистов и анонимных авторов, комментирующих надписи на местных порталах с ежегодными напоминаниями о том, что Ева так и не нашлась. Тексты появлялись всегда со снимками и предположениями, что наиболее вероятной версией исчезновения девушки является ее падение в реку. Тело, однако, так и не было найдено, подчеркивали авторы публикаций.

Несколько раз случалось, что кто-то хотел слепить сенсацию. Однажды я даже натолкнулся на заголовок «Новые факты в деле. Дамиан Вернер допрошен».

Естественно, в ходе следствия я был допрошен в качестве свидетеля. Один из следователей хотел удостовериться, что дело законно прекращено из-за отсутствия доказательств. Именно этот факт и был использован для появления упомянутого заголовка. Обычная журналистская «утка» – в отличие от того, что я сейчас видел перед собой...

– Кто ее ищет? – спросил я.

– Тот, кто поместил снимок, – Фил Брэдли.

Я снова глянул на миниатюрное фото и текст.

– Американец?

– Британец, – ответил Блицер. – Вероятно, приперся на концерт из Лондона, а тут ему понравилась случайно встреченная девушка... Пишет, что перекинулись несколькими фразами, посмеялись, а потом он на минутку отошел к знакомым. Когда вернулся, ее уже не было. Теперь старается найти...

Сначала я подумал, что должен ему написать – узнать, что говорила Ева. Будто это имело какое-то значение...

– Перед выходом из дома я послал ему сообщение, – добавил Блиц.

Я благодарно кивнул. Сидевший неподалеку клиент со значением кашлянул, но я его проигнорировал. Спросил:

– Кто-нибудь ответил?

– Несколько человек. Что ни говори, но снимок заметный.

Блицкриг был прав. Легко размытый фон, крупный план и фокус на улыбающейся красивой девушке... Фотография не могла не привлечь внимание тех, кто просматривал профиль.

– Хоть кто-то написал что-нибудь конкретное? – неуверенно поинтересовался я.

– Нет. Одни лишь пошлые комментарии, которые я и читать не хочу.

Не хотелось бы, но я наверняка прочту, вернувшись домой. Сначала, однако, мне нужно посетить другое место. Насмотрелся я с избытком фильмов и сериалов, чтобы не знать: основная ошибка в такой ситуации – отказ от информирования следственных органов.

Поблагодарив Блица, я отправился в подсобное помещение и позвонил шефу, что мне неможется. Одним из плюсов работы в гастрономии было то, что хозяева заведения относились к подобной информации серьезно. Особенно те, кто хотел, чтобы клиенты когда-нибудь еще к ним возвращались.

Сменщица появилась достаточно быстро – так, что еще успела подать мужчине «попадам»³ и признать, что снимок Евы четкий, до мельчайших подробностей.

Когда я появился в полицейской комендатуре на улице Повольного, то уже мог описать фотографию принявшему меня подкомиссару⁴ Прокоцкому по памяти. Но не стал. Мы вышли на нужный профиль, и я показал ему снимок. Морща лоб, сотрудник полиции долго вглядывался в него.

Он вел это дело десять лет назад. Я надеялся уловить в его глазах блеск, окончательно убеждающий меня в том, что на снимке действительно Ева. Но Прокоцкий повел себя так, словно увидел изображение совершенно не известной ему особы.

– Ну естественно, – наконец изрек он.

– Что естественно?

– То, что вы ищите в других женщинах образ исчезнувшей невесты.

Я открыл было рот, но не сумел ничего произнести. Категоричность в его голосе просто сбила меня с толку.

Прокоцкий оторвал взгляд от монитора, глубоко вздохнул и с сочувствием посмотрел на меня.

– Вы ведь с тех пор ни с кем не связывались? Так?

– Нет, не связывался. Но какое это имеет отношение к делу?

– Вам ее по-прежнему не хватает. Это естественно, что...

– Вы шутите?

– Такое случается...

Я указал пальцем на монитор.

– Вы видите то же, что и я?

– Вижу девушку, похожую на Еву. И это всё, пан Вернер.

Переступив с ноги на ногу, я в отчаянии повел взглядом вокруг, словно надеясь на появление кого-нибудь, кто мне поможет.

– Но ведь это она! Черт возьми, неужели вы не видите?!

Подкомиссар, снова вздохнув, мягко произнес:

– Увы, не могу с вами согласиться. Есть некоторая схожесть, но...

– Я точно знаю, как выглядит моя невеста!

Полицейский неспешно поднялся, как будто опасаясь повредиться. Потом успокаивающе положил мне руку на плечо и начал пояснять, что я ведь видел девушку много лет назад, а теперь меня обманывает мое собственное воображение. Он внушал мне это несколько минут, но с каждой очередной фразой я слушал все с меньшим вниманием...

³ «Попадам» – тонкий блинчик из чечевичной муки.

⁴ Подкомиссар – самое младшее офицерское звание в польской полиции.

Его чрезмерная уверенность, решительность в голосе и нежелание признать, что это в принципе могла быть она, действовали на меня раздражающе.

– Конечно, мы проверим, – уверил меня подкомиссар, провожая к выходу. – Даже не сомневайтесь!

В общем-то, сомнений и не было. В смысле, я не сомневался в том, что здесь что-то нечисто...

3

Я надеялся, что возвращение домой принесет мне хоть какое-то облегчение. Так происходило ежедневно, когда, вернувшись, я закрывал за собой дверь на три надежных замка.

Если не нужно было куда-то идти, меня охватывала умиротворенность. Если же позже мне зачем-то предстояло выйти, я испытывал беспокойство и нервное напряжение.

В этот день мои четыре угла должны были подействовать на меня успокаивающе. Однако на этот раз я почувствовал себя посторонним в собственной квартире. Заполнил ее звуками «Рэйнбоу», так как, в отличие от Блица, мне больше нравились команды, которых уже давно не было слышно.

Руки у меня тряслись, в теле ощущался жар. Только теперь я осознал, что сильно вспотел. Холодный душ окатил мою спину, а после горячего потока на теле не осталось и следа пота. Стоя перед зеркалом, я почти не узнавал самого себя – выглядел как бледный труп, а синева под глазами стала еще более заметной. Прическа, которая и так обычно находилась в полном беспорядке, наводила на сравнение с переплетенными проводами.

Ополоснув лицо холодной водой, я открыл бутылку пива и уселся перед компьютером, который собрал собственноручно, сэкономив несколько сот злотых. Загрузил новейшую игру «Элдер скроллз» и отправился за телефоном, чтобы его выключить.

Я должен был исчезнуть из этого мира. Сейчас, пока еще окончательно не сошел с ума. Не было смысла мучиться, освежая в памяти тот пост в «Фейсбуке» или ожидая ответа от Фила Брэди.

Я ждал десять лет. Мог подождать и еще немного – но сначала должен был успокоиться.

Блицер не дал мне такой возможности. Едва я взял смартфон, как на его дисплее появилось улыбающееся лицо моего друга, а из динамика полились звуки характерного звонка. Блиц сфотографировал себя несколько лет назад, когда я еще работал в «Горце» и был одним из тех, кто при смене старого телефона переносит все снимки на новый. Сейчас это не вызывает особых трудностей, но когда-то при переходе с первого «Сони Эрикссон» на новую «Нокию» такая операция являлась проблематичной.

Я остановил игру и коснулся пальцем экрана смартфона.

– В нормальное время ты не звонишь...

– Ты видел? – спросил Блиц возбужденно и откашлялся. – Наверняка видел! Иначе не разговаривал бы со мной таким тоном.

– Что видел?

– Новый пост на странице.

Я выключил игру так быстро, как будто от скорости выключения зависела моя жизнь. Запустил просмотр и спешно обновил страницу. Действительно, появилось новое сообщение от Фила Брэди. Он написал: «Может, благодаря этому снимку кто-нибудь ее узнал?» – и добавил ссылку на предыдущий пост.

Я смотрел на снимок, и мне казалось, будто я прямиком угодил в портал, ведущий в альтернативную очевидность. Я прекрасно знал этот снимок. Он был для меня исключительным.

– Ты где? – спросил Блицер.

Я пытался что-то выдать из себя – и не мог.

– Вернер!

– Я...

– На тысячу процентов это она, – заключил Блиц. – Стоит вроде бы на Краковской, недалеко от «Бабы на быке». И выглядит на несколько лет моложе.

– На десять, – произнес я.

– Что?

– Я сам ее фотографировал.

– Как это? Когда? Где?

– За несколько дней до исчезновения, но... Блицкриг...

– Но?..

– Никогда и никому я этот снимок не показывал, не размещал в Сети и даже не говорил, что он у меня есть...

– Что? Почему?

– Не знаю, – ответил я, нервно потирая голову. – Наверное, хотел иметь только для себя что-то исключительно мое, потому что...

– Странно, – протянул Блиц. – Откуда у британца этот снимок?

– Не имею понятия.

Я просто не мог вообразить себе сценарий, благодаря которому какой-то Фил Брэдди завладел снимком. Этим снимком. Моим снимком!

Все возможные предположения были сплошь абсурдными. Даже если он разговаривал с Евой дольше, чем следовало из первого поста, – у нее самой не было этого фото. Я не успел даже показать ей его, а сам вспомнил о нем только по ее исчезновению.

Потянувшись за пивом, я опорожнил бутылку одним глотком. От газа в животе у меня забурлило. Я понял, что узнал сегодня больше, чем предполагаемое направление поисков. Факт наличия у Брэдди этого снимка наводил на мысль, что он каким-то образом причастен к делу.

– Ты отозвался? – спросил я.

– Да.

Озноб у меня прошел.

– Сразу после того, как он разместил фото.

– И?..

– Уверяет, что и вправду ее не знает, никогда раньше и позже не видел и просто хочет связаться с ней. Допытывался, знаю ли ее я.

– Напиши ему, что...

Я прервался, придя к выводу, что не должен в дальнейшем рассчитывать исключительно на Блица. Открыл профиль Фила Брэдди и посмотрел на его лицо, которое уже прекрасно знал, часами рассматривая. Потом послал ему сообщение: «Я знаю девушку, которую ты разыскиваешь. Откуда у тебя другой снимок?»

Блицкриг говорил в трубку что-то еще, но его голос пропадал где-то на линии. Я уставился в экран компьютера, ощущая нарастающий жар. Наконец на правой стороне высланного мной сообщения засветилась голубая «иконка». Брэдди его прочел. Однако не было видно, что он что-то пишет в ответ.

Отодвинув стул, я наклонился и начал в нетерпении похлопывать ладонями о бедра. Уставившись в монитор, я, должно быть, выглядел так, будто бросаю ему вызов – вызов, на который он не реагирует.

– Не отвечает, – констатировал я.

– Нет? – отозвался Блиц. – Ты написал ему?

– Да, но...

– Надо было поручить это мне.

Не помню, чтобы мы когда-нибудь так договаривались, но, может, Блиц решил, что если все началось с него, то на него и ложится ответственность за доведение дела до конца...

– Так и не отвечает, – отметил я. – Хотя сообщение прочитал.

– Подожди минутку...

– Ничего иного я и не делаю, – ответил я. – По крайней мере, на протяжении последних десяти лет.

Казалось, каждая следующая секунда тянется медленней предыдущей. У меня было ощущение, что ответ находится на расстоянии вытянутой руки. Нужно было только подтянуть этого человека...

– Вся эта акция с поиском девушки с концерта – вздор! – наконец сделал я вывод. – Здесь дело в чем-то ином.

– В чем?

– Не знаю, но намерен узнать.

– Сам?

– С твоей помощью, – ответил я, отмечая, что это, пожалуй, самое приятное из того, что я когда-либо говорил ему. Действительно, впервые я воспринял его так, как нужно, – как друга, на которого можно положиться.

– Понятно, что с моей. Но этого может быть недостаточно.

– С утра пойду в комендатуру.

– Еще не ходил?

– Ходил, но меня развернули.

Когда я пересказал ему содержание своей беседы с подкомиссаром Прокоцким, Блиц надолго замолчал.

Я по-прежнему глазел в монитор, будто таким образом мог принудить Брэди к какому-нибудь действию. Но мой почтовый ящик все так же пустовал. Стало понятно, что отвечать мне он не собирается. Не отвечал он и Блицу...

Я пошел за очередной бутылкой пива, уже зная, что сегодня склонюсь к принятию нескольких плохих решений, после осуществления которых проснусь с сильной головной болью.

– Вообще не заинтересовались делом? – отозвался наконец Блицер.

– Не только не заинтересовались, но и попытались от него избавиться.

– Странно...

– Мне поначалу тоже так показалось.

– А позже твое мнение изменилось?

– Гм... – хмыкнул я в ответ. – Ежедневно в Польше бесследно исчезают около пятидесяти человек. И Прокоцкий наверняка каждый день получает уведомление об удивительном появлении некоторых из них...

– Но ведь он видел снимок. Должен был узнать, поскольку искал ее не один месяц.

– Может, и узнал, – согласился я. – Но просто не хотел вселять в меня надежду.

Это было самое удобное объяснение. Другие версии, которые я рассматривал, являлись исключительно мрачными.

Все это, однако, теперь уже не имело значения. Появившийся в интернете и загруженный мною в память телефона снимок мог служить неоспоримым доказательством.

Прокоцкий воспользуется ситуацией, чтобы закрыть дело, которое в его документах числится пока незаконченным, а срок его давности еще не истек. А возможно, делая вид, что лишь зарегистрировал сообщение, он сразу же возобновил расследование...

Я смог предположить такое, хотя для этого мне потребовалось открыть еще две зеленые бутылки с пенным «оптимизатором».

В соответствии со своими предположениями, я проснулся никаким. Заснул на диване. Открытый ноутбук лежал на столике сбоку. Ответ от Брэди так и не пришел. Игнорировал тот и Блицера.

Дабы не произвести впечатление перепутавшего комендатуру с вырезвелем, я наскоро ополоснулся под душем.

Чтобы попасть к Прокоцкому, мне пришлось немного подождать, но я и не надеялся, что он примет меня сразу, поскольку осознавал, что я пришел безосновательно его напрягать.

Когда подкомиссар наконец пригласил меня в кабинет, я показал ему очередной фотоснимок и пост в «Фейсбуке».

Пользователи понемногу стали оказывать содействие Брэдди в поисках полячки – идентифицировали место в Ополе, проинформировали его, что это неподалеку от Вроцлава, и именно там, скорее всего, ему и нужно ее искать. Однако никто Еву не узнал.

Прокоцкий тоже не узнал ее.

– Это она?

Мне потребовалось несколько минут, чтобы удостовериться, что он действительно задал такой вопрос. Кивнув, я начал объяснять, что сам сделал эти фотоснимки, и показал ему их в телефоне.

Он долго их рассматривал, а потом уставился на меня как на преступника, а не человека, разыскивающего собственную невесту.

– Пили с утра?

Вопрос был риторический. Я часто дышал, и кабинет подкомиссара наверняка наполнился перегаром еще до того, как я занял место у его стола.

– Это имеет какое-то значение? – парировал я.

– Никакого. Это ваша жизнь.

– Скорее, подобие, – проговорил я себе под нос и, показывая пальцем на дисплей телефона, произнес уже громче: – Поскольку это все, что осталось после ее исчезновения. Понимаете меня?

– Конечно же...

– Вы ведь видите, что это идентичный фотоснимок?

– Это не подлежит сомнению.

– Так откуда же эта копия?

Прокоцкий глубоко вздохнул.

– Это задача для профессионалов. Несколько подобных дел мне уже приходилось распутывать...

Я молчал, опасаясь, что могу сказать что-нибудь такое, о чем позднее буду сожалеть.

– Можете положиться на мой опыт.

– Полагаюсь, – подтвердил я, хотя на данном этапе уже ничуть не доверял ему.

– В таком случае прошу оставить это нам. Обещаю сделать все, что в наших силах, для выяснения всех обстоятельств.

– Не сомневаюсь.

Я ждал чего-то большего. Заявления, что они немедленно свяжутся с британцами для выяснения намерений Брэдди. Тем временем Прокоцкий поднялся со стула и протянул мне руку. Я думал, что он собирается попрощаться со мной, но вышло иначе.

– Свой телефон вам придется оставить у нас...

– Зачем?

– Он может стать важным вещественным доказательством.

– Но...

– Пан Вернер, прошу полностью довериться мне. Мы действительно сделаем всё, чтобы отыскать вашу невесту.

Я глянул на аппарат и почувствовал себя так, словно должен был распрощаться с чем-то более значимым и близким для себя, чем просто телефон. Не так уж часто мне доводилось им пользоваться – просто не было повода; но в нем был ее фотоснимок – моя единственная копия...

– Я предпочел бы...

– Вы хотите ее найти? – прервал меня подкомиссар.

Я поник головой.

– В таком случае положитесь на нас. Мы знаем, что делаем.

Прокоцкий ждал с протянутой рукой, пока я не отдал ему аппарат. Может быть, я еще дважды подумал бы, не будь так морально разбит и дезориентирован происходящим.

– Возобновите расследование? – спросил я, когда он провожал меня к двери.

– Если новый материал позволит, то конечно.

– Если?..

– Будем на связи, – заверил меня Прокоцкий.

Не думал я, что все это будет так затруднительно. Тем более что мой телефон остался у него. Но это была не единственная вещь, которой у меня не стало в этот день.

Я вернулся домой с намерением как можно скорее скачать снимок из «Фейсбука». Я должен был иметь его – сейчас это было для меня важнее, чем просто обладать воспоминаниями, связанными с Евой.

Фотография, однако, исчезла, как и предшествующий ей пост. И страница Филя Брэдди – тоже...

4

Перед полуднем в Ополе трудно найти заведение, где можно хорошо поесть. «Икс Спайс», однако, было исключением. Шеф открывал его рано утром, до полудня мы работали ни шатко ни валко, а потом, после короткого перерыва, продолжали свою деятельность уже на полных оборотах.

В средиземноморских странах и в самой Индии такая модель, возможно, оправданна. У нас же она рано или поздно может привести к банкротству, но я не намеревался делиться этой мыслью с хозяином.

Блицер появился ближе к одиннадцати. Снова с ноутбуком. Выглядел он ненамного лучше меня – вероятно, тоже мало спал, заснув уже под утро. Когда, вернувшись из комендатуры, я разговаривал с ним по «Скайпу», у меня создалось впечатление, что я разбудил его. Я поведал ему тогда все, что ему нужно было знать.

Делясь с кем-то тем, что касалось моей жизни, я чувствовал себя неловко. На протяжении десятилетия она была закрыта для всего внешнего мира. Даже навещая родителей в их небольшой квартирке на улице Гротгерра, я разговаривал с ними обо всем прочем, не касавшемся происходящего в моей жизни.

Блиц сел за тот же столик, за которым сидел в последний раз, и махнул мне рукой.

– В моей голове это по-прежнему не уместается, – произнес он. – Посты попросту пропали.

– Ты обращался к админу?

– Сразу же после нашего разговора.

В этот раз я должен был рассчитывать на него. Конечно, можно было бы взять отпуск за свой счет – но меня не на шутку угнетало происходящее, и потом, я знал, что это создаст проблемы в отношениях с шефом. А терять единственное сейчас средство поддержки мне было непозволительно – тем более предполагая, что деньги еще ой как понадобятся.

– Ответили, что никаких постов не устранили, – добавил Блицкриг. – Вроде в интернете ничто не исчезает, но я не смог найти никаких следов.

– Так же, как и Брэдди...

– Ну, – подтвердил Блиц, задумчиво вращая на столике меню заведения.

С минуту помолчав, он медленно поднял на меня взгляд. Ему не нужно было говорить, потому что оба мы пришли к мысли о том, каким мутным может оказаться все это дело.

Нет-нет да и появлялись в СМИ публикации о полицейских, чьи грехи становились явными лишь через годы. Недавно несколько таких типов были осуждены в связи с убийством молодой девушки несколько лет назад. Их обвиняли в невыполнении одних и превышении других должностных полномочий, а вдобавок – в препятствовании следствию. Годами они целенаправленно запутывали следы и скрывали правду, участвовали в многочисленной законспирированной преступной группе, взаимно покрывая себя и исполнителей. Может, так было и в случае с Евой? Или я уже начинаю придумывать?

Но даже если, предположим, полиция и замешана в этом, то каким образом исчезли все следы из «Фейсбука»? Да еще так быстро...

И откуда у Брэдди мой снимок?

Вопросы множились, но я был убежден, что найду на них ответы. Хотелось только выйти на что-то конкретное, на то, что укажет правильное направление.

– Говорил же, что моей помощи будет недостаточно, – проговорил Блиц.

– Говорил. И видишь, к чему это привело.

– Я тогда имел в виду не полицию...

– А что?

– Детективные агентства.

Я посмотрел на него с недоумением. Такие фирмы казались мне связанными или с дешевыми театральными представлениями, или со шпионажем за супругами.

– Таково мое мнение, – добавил Блиц, разворачивая ко мне ноутбук.

Я осмотрелся – не появился ли какой-нибудь клиент? – склонился над столом и стал читать описание фирмы под названием «Рейманн инвестигейшн».

– Его хозяин был офицером спецслужб, – сказал Блицер. – У агентства есть министерская лицензия на право ведения детективной деятельности. Оно занесено в государственный реестр. Я все проверил.

Пробежав взглядом всю информацию, размещенную на странице, я услышал:

– Также входит в ВСПД.

– Во что?

– Во Всемирное сообщество профессиональных детективов, – пояснил Блиц. – Кроме того, является членом ВАД, которая объединяет агентства всего мира с тысяча девятьсот девяносто пятого года. Это тебе не какие-то там сертификаты!

Я еще внимательней всмотрелся в подсвеченную страницу, чтобы понять, чем конкретно занимается агентство.

Часовая ставка работы составляла 100 злотых, а за целый восьмичасовой день нужно было платить уже 1100 злотых. Ведение экономической разведки стоило существенно дороже, а установление местонахождения свидетелей – дешевле. «Рейманн инвестигейшн» также предлагало свои услуги юридическим канцеляриям, бралось проводить экономические расследования, устанавливать место нахождения имущества и разыскивать исчезнувших людей. Последняя позиция в ценнике агентства была самой высокой – цены начинались с 4700 злотых.

– Посмотри персонал, – посоветовал Блиц.

Я открыл страницу, на которой разместились информация о структуре фирмы и работающих в ней людях.

– Ревал? Это же у моря, в шестистах километрах отсюда, Блицкриг.

– Несущественно.

– Для того, у кого есть деньги, – может быть. Но моих не хватит на оплату переездов.

– Они работают в основном дистанционно.

Я придвинул себе стул и уселся за ноутбуком.

– Сейчас уже не те времена, когда детектив должен был бегать за кем-то с телескопическим объективом и не спускать с него глаз, – продолжал Блицер. – Достаточно того, что он знает, как пользоваться интернетом. А эти люди точно знают.

Я посмотрел на список сотрудников. Их было немного. Все с закрытыми лицами – по понятным причинам.

Владельцем значился Роберт Рейманн, бывший офицер таможенной службы. Имеет ряд наград, победил в нескольких плебисцитах на звание «Человек года» в воеводстве. Главным аналитиком являлась его жена, Кассандра Рейманн, что в существенной степени повышало доверие к фирме. Если б кто-то что-то «крутил», то наверняка не вовлекал бы в это семью. А может, так только казалось...

Коллектив состоял еще из нескольких персон. Одна из них – выпускник Хозяйственно-торговой академии (АХТ), другая окончила политехнический университет в Лодзи, третий имеет диплом германского технического университета в Кайзерслаутерне. Все с большим опытом работы с IT-технологиями, но подробности не сообщаются.

– Смотрится неплохо, – резюмировал я. – Но...

– Тебе нужны именно такие люди, Вернер.

– Возможно, – согласился я. – Но мне нужны еще и деньги, чтобы их нанять.

– Я дам тебе займы.

– А чем я буду отдавать?

– Договоримся! – бросил Блиц, отмахнувшись. – Сейчас основное – побыстрее добиться правды, пока не затерли следы.

Я, удивленно подняв брови, взглянул на него.

– Кто конкретно?

– Не знаю. И это, наверное, самое плохое.

В первую минуту я был готов согласиться с ним, но, подумав, решил, что наихудшим является другое – сам факт, что кто-то, очевидно, прячет от меня правду.

Нет, не кто-то. Это сделала она.

А сейчас либо Ева, либо люди, которые над ней надругались, делали все, чтобы я не раскрыл того, что произошло в действительности после той кошмарной ночи.

– Ладно, – проговорил я.

Блиц наморщил лоб, вопрошающе взглянул на меня.

– Что касается Рейманнов, то я найму их, – заключил я.

– Видно, они и впрямь крутые профи, – уверенно сказал Блицкриг. – Я провел небольшой анализ в их среде...

– То есть?

– «Погуглил» их.

– Это не аналитический инструмент. Просто виртуальный поисковик...

– Не умаляй мощи этого устройства. Некоторые живут благодаря ему.

– Не умаляю.

– Взять хотя бы информационщиков. В девяноста девяти случаях из ста их перевес над обычными смертными заключается в том, что они могут быстро просматривать результаты поиска в «Гугле».

Блиц еще некоторое время распространялся насчет исторического значения союза двух аспирантов из Стэнфорда. Я полностью перестал его воспринимать, когда он стал утверждать, что нам уже с трудом верится в создание «Гугла» Пейджем и Брином... без помощи самого «Гугла».

Пока Блицер старался, как нанятый, видимо, справляясь таким образом с собственными эмоциями, я изучал дополнительные свидетельства того, что агентство «Рейманн инвести-гейшн» действительно известно в своей среде, и снова стал слушать друга, лишь когда он дошел до конкретики.

– Впрочем, сам посмотри на результаты, – буркнул Блиц, заметив мою невнимательность. – В Приморье это известные люди. Активно занимаются благотворительностью, поддерживают местный бизнес и содержат два приюта для животных.

– Звучит подозрительно...

Блицер недоуменно вытаращился на меня.

– Если для тебя подозрительны те, кто помогает другим, то я не хотел бы смотреть на мир твоими глазами.

– Это как город, который несколько сукиных детей хотят уничтожить любой ценой. А все остальные с интересом приглядываются к ним и вместо того, чтобы препятствовать росту происшествий, жадуют, чтобы их, происшествий, было больше.

– Это уже больше относится к тебе.

– Хм, – хмыкнул я, не желая еще больше впасть в охватывающий меня пессимизм. – Что еще ты узнал о Рейманнах?

– Только то, что их анонимно поддерживают какие-то неправительственные организации.

– Так анонимно, что даже ты говоришь о них?

Блицер вздохнул, словно его угнетала мысль, что я воспринимаю его как какого-то адвоката дьявола.

– Инфу раскопали какие-то местные журналисты, но она не подтверждена.

– Так или иначе, но звучит это подозрительно, – повторил я и поднял руку, сдерживая его возмущение. – Думаю, что, вероятно, они не добились значительного успеха, а...

– Так ведь добились же! – возразил он.

– В детективной деятельности?

– Нет. Роберт Рейманн оставил службу, потому что получил в наследство много земли, на которой разместились несколько пристаней, пищевых производств и сельских туристических хозяйств. У его жены тоже была фирма, динамично развивающаяся на рынке недвижимости.

Чувствовалось, что Блицкриг неплохо подготовился. Он убеждал меня в решении моей проблемы и к тому же обещал заплатить за это.

Я понял, что не должен дольше сомневаться.

– О'кей! – произнес я. – Если ты готов дать мне денег, попробуем.

– Прекрасно! Тем более что я уже связался с ними.

– Что?

– Уже обсудил вопрос стоимости с Кассандрой. Исключительно приятная дама!

– Не удивлен.

Я представил себе типичную бизнесвумен, надежную жену местного магната. Кроме того, по сведениям Блица, они предпочитали уединение и редко показывались на публике, а потому представлялись мне этакой голливудской парой.

– Оплата будет договорная; Кассандра разъяснила мне, какие затраты могут потребоваться для проведения этого расследования.

– И?... Сколько они хотят?

Блицер отмахнулся, демонстрируя нежелание обсуждать этот вопрос, но я понял, что цена значительно выше той, что фигурировала в прейскуранте.

– Ты должен знать: они берутся не за все дела, которые подвернутся под руку.

– Только за громкие?

– Нет. Я уже говорил тебе, что они – не сторонники шоу.

Значит, они действуют как бы в тени? На самом деле, с точки зрения пиара это целенаправленная стратегия фирмы, которая должна выглядеть загадочно, воспринимаясь как противоположность частным детективам, постоянно мелькающим на телеэкранах, – тем, к которым обращаются в основном люди отчаявшиеся.

Вздыхнув, я признал, что тоже отношусь к ним. Свидетельством тому – плачевная ситуация, в которой я оказался. Но если полиция не желает помочь, а доказательства исчезают быстрее, чем появляются, то что мне остается делать?

– У меня одно условие, – предупредил Блиц.

– Какое?

– Завалишься сегодня вечером.

– Что? Куда?

– Бл..., Вернер! Так говорят, когда приглашают к себе кого-нибудь. Ты и вправду не в курсах, как это бывает в приятельских отношениях?

Нужно ли было мне отвечать? Всего лишь десять лет назад я ничем не отличался от среднестатистического выпускника любого учебного заведения – все пять лет учебы сопровождалось многочисленными развлечениями, и у меня не было никаких проблем с межчеловеческими отношениями. А сейчас я дошел до такой степени, что отказывался даже от виртуальных игр в режиме мультиплеера, предпочитая варианты лишь с одним участником...

– Завалишься – выпьем пива и всё обсудим.

– Сегодня? Вообще-то, я планировал...

– Что?! Я сам должен упиваться до мертвецкого состояния?

«Да ты и так постоянно мне докучаешь», – подумалось мне. Но в конечном итоге у меня не было иного выхода, кроме как принять предложения Блицера. Ну и потом, может, я почувствую себя лучше... И, возможно, общими усилиями мы сложим всё в единое целое...

Упились мы в стельку. Час или два пили пиво, но это была только прелюдия перед переходом к более крепкому бухлу из холодильника Блица. Самым мощным «ядом» оказался джин с тоником. В общем, при таком коктейле, смешавшемся в наших желудках, мы могли успешно догоняться даже безалкогольным пивом.

Я проснулся, чувствуя себя в целом сносно, но вывод напрашивался сам – хмель еще не прошел и худшее по-прежнему маячило впереди. Я сполз с кровати в гостиную и побрел в зал.

Обстановка в комнате была схожей с последствиями апокалипсиса. Я обвел взглядом пустые бутылки и банки, открытые пачки чипсов и переполненные пепельницы. Меня затошнило...

Как в тумане вспомнилось, что после первой или второй порции пива мы связались с «Рейманн инвестигейшн». Меня интересовали их методы расследования, поскольку я хотел полной конспирации. Чтобы переговорить с человеком, которому будет поручено заниматься нашим делом, мы должны были получить эсэмэску с кодом доступа, а потом, вместе с логином и паролем, ввести его в представленной витрине. Домен не был обозначен. Только IP-адрес. Более того, нас уведомили, что витрина не занесена ни в одну поисковую систему. Мне тогда подумалось, что это не иначе как маркетинговые ухищрения для убеждения клиента-дилетанта в том, что он имеет дело с настоящими специалистами в области IT-технологий. А может, даже с группой хакеров, не желающих раскрывать себя.

Мы пересказали «Рейманн инвестигейшн» самую важную информацию, условились о разговоре на следующий день, а затем принялись за дегустацию всех имевшихся в квартире Блица напитков. Возможно, в определенный момент даже ходили за добавкой, но я не уверен. Сейчас же, после оценки царящего в зале хаоса, мне показалось, что мы вполне могли сделать оптовые закупки в супермаркете «Марко».

Собравшись, я направился к выходу. Будить Блица не стал, решив, что в награду за его участие в деле он мог хотя бы выспаться. Когда подошел к двери, ведущей на лестничную площадку, увидел, что они приоткрыты. Ощутил беспокойство, но в затуманенном разуме появилась мысль: «Это ж мы ночью, никакущие, вернулись из магазина и забыли закрыться...»

Голова моя слегка кружилась, когда я начал открывать дверь в другую комнату; но это было ничто по сравнению с тем, что я почувствовал, увидев Блица.

Он лежал навзничь на окровавленной постели. Одна его рука была безвольно опущена на пол, пустые глаза уставились в потолок, а рот был неестественно широко раскрыт, будто на губах застыл безмолвный крик...

Не знаю, как долго я оставался без движения, но в конце концов очнулся и, спотыкаясь, направился к кровати. Приложил пальцы к его сонной артерии, но и без того было понятно, что в проверке нет смысла...

5

Я долго размышляла над тем, кому поручить дело девушки из Ополя – хотя выбирать приходилось всего лишь из двоих человек, так как остальные были заняты другими проектами.

С Робертом я не собиралась это обсуждать. Для него работа в «Рейманн инвестигейшн» – лишь побочный заработок, хотя поначалу она являлась хобби, о котором, как о давнем, минувшем пристрастии, он теперь и не вспоминал.

Окончательный мой выбор пал на Йолу Клизу – выпускницу Кайзерслаутернского университета, которую мы приняли на работу лишь для того, чтобы при случае иметь возможность похвастать в профсоюзе своими кадрами. Худощавая, заметно закомплексованная, но не запуганная, эта девушка производила впечатление чужой в нашей фирме. Однако я понимала, что это у нее связано больше с внутренним дискомфортом, а не со скрытым характером. Когда мы принимали Йолу, Роберт не удостоил ее даже мимолетным взглядом, поскольку относился к мужчинам, оценивающим женщин по красоте.

Встречались мы в одном из ближайших к Роберту заведений на улице Грюнвальдской в Поберове. В разгар сезона балтийское побережье было всегда переполнено отдыхающими, но в это время года я часто пользовалась небольшой кофейней для обсуждения дел агентства.

Вопреки представлениям клиентов, мы не имели своего офиса. В государственном реестре значился адрес нашего дома на побережье, но так было нужно в соответствии с регистрационными требованиями. Это казалось мне разумным. Тем более что в большей степени мы работали через интернет. Наш коллектив состоял из таких людей, как Клиза, несущихся по Сети подобно лучшим серфингистам на самых крутых волнах.

Я передала ей всю имеющуюся информацию, и Йола в тот же вечер связалась с клиентом. Формально им был Адам Блицкий, но, обговаривая условия, он уведомил, что настоящим заказчиком является Дамиан Вернер.

Клиза впервые опоздала на встречу. Вероятно, всю ночь потратила на сбор информации. Принимая ее на работу, мы рассчитывали приобрести в лице Клизы компетентного режиссера, но одновременно приобрели еще и самоотверженного трудоголика. Лучше для нас и быть не могло!

– Кассандра, я очень извиняюсь, – тихо проговорила Йола, присаживаясь за столик.

Я настаивала на том, чтобы наши работники называли меня по имени. Роберт также допускал такое обращение, хотя, знаю, и неохотно. Я исходила из того, что раз большинство наших разговоров осуществляется через интернет, то загромождать их словами «пан» и «пани» нет смысла.

– Не переживай, – ответила я, подавая ей меню.

Она отрицательно помотала головой и поправила растрепавшиеся волосы.

– Хочешь, чтобы я сама пила? – спросила я, указывая на бокал вина.

– Но ведь только первый час...

– Тем более ты должна меня поддержать.

Я обвела взглядом зал, оформленный в индустриальном стиле, отыскала кельнера и показала на бокал. Этого для него было достаточно.

Много я не пила – по крайней мере за один раз. Так, потягивала просекко – сухое игристое – маленькими глотками. Правда, уже семь лет. Началось это сразу после беременности, когда я родила Войтека и должна была поддерживать себя в тонусе в течение затянувшегося периода восстановления. Я никогда не считала себя зависимой – подобно древним грекам и римлянам, для которых чаша вина в течение дня была столь же обычным делом, как для нас – чашка кофе. Я была привержена античным обычаям.

– Спасибо, но нужно еще немного поработать, – ответила Йола, доставая планшет.

Включив, она положила его на стол. Мы платили ей достаточно, и Клиза могла позволить себе купить новейшую модель «Айпэда», но твердила, что просто предпочитает оборудование, которое можно быстро настроить и приспособить к своим потребностям.

– Ты поручила мне интересное дело, – добавила она.

– Самое интересное! – Я улыбнулась.

Йола устремила взгляд вверх, нахмутив брови. Опущенные веки придавали ей еще более озадаченный вид.

– Наверняка сегодня ты не спала, – заметила я.

– Не каждый может выглядеть, как ты.

– Слава богу! – ответила я, поднимая бокал. – Иначе мы имели бы тут скопище манерничающих богатеньких дамочек, которые строят из себя аристократок.

Йола открыла рот, но не успела она ответить, как кельнер поставил передо мной вино.

– Я не то имела в виду, – пояснила девушка.

– Всё в порядке. Я себя знаю. Это все вино...

– Но ведь... Ведь ты не считаешь себя такой?

Я пожала плечами.

Неожиданно Клиза разговорила:

– Для многих ты... как бы это сказать? Икона, что ли? А для кого-то – пример для подражания.

– В смысле охоты на богатых мужиков?

– Скорее в смысле стильности, элегантности и классики.

Я усмехнулась ее дружеской непосредственности, делавшей невозможными даже такие очевидные шутки, как моя.

– На повышение зарплаты не рассчитывай. Ну, разве что я услышу еще несколько подобных комплиментов...

Потом мы обе посерьезнели, решив, что пора перейти к делам.

– Старайся, старайся... Дело может получиться громким.

– Мне кажется, для нас главное – не громкость.

– В плане самой работы – да. Но ее результаты – уже совсем другое дело...

Отодвинув бокал, я скрестила руки на столе и выпрямилась, как натянутая струна. Дорогой пиджак и светло-голубая, почти из стопроцентного хлопка, сорочка и так выглядели бы хорошо, но после многолетних занятий эта поза стала для меня произвольной.

– Что выяснила?

– Что сначала подозревали парня...

– Дамиана Вернера?

Йола кивнула.

– И что дальнейшие находки указывали на убийство.

– Но останки не обнаружили?

– Нет. Хотя предполагалось, что парень сбросил тело в реку. Обыскали русло, но сделали это уже через много дней после того, как Вернер заявил об исчезновении. За такое время тело могло оказаться уже бог знает где.

– Почему подозревали его?

Я считала, что это главный вопрос. Обычно органы в первую очередь интересуются близкими. Именно те в восьмидесяти процентах случаев и оказываются преступниками, совершая убийства непреднамеренно, под воздействием сильных негативных эмоций. Полицейская статистика свидетельствует, что зачастую истина выясняется уже через 48 часов после происшедшего.

Конечно, находились и такие, которые на протяжении двадцати лет прятали тело супруга или супруги в подвале, а всем окружающим говорили, что тот или та пропали или уехали...

- Никто не видел той жестокой стычки у реки, – проговорила Клиза.
- А повреждения? Вернер причинил их сам себе?
- Предполагали, что невеста могла обороняться.
- Парень делает предложение, затем насилует невесту, убивает ее и бросает в реку?

Однако же и воображение у них...

- Или опыт...

Я перевела дух, подумала. Бесспорно, следователи сталкивались и не с такими делами.

- И никаких свидетелей не было?

– Никаких. Опрошенные лишь вспоминали о группе мужчин, ушедших из пивбара относительно в то же время, которое указал Вернер. А все остальное опиралось лишь на его показания. В общем... – Йола, прервавшись, пожала плечами.

- А материалы ДНК?..

– Были взяты со столика, за которым сидели мужчины. Провели анализ, но никаких совпадений с данными информационной системы не нашли.

- А с места происшествия? С этой кучи камней?

– С Ложа Шидерцев, – уточнила Клиза, а я кивнула. – Там их было полно. Настоящее месиво. Хватило бы для работы всем лабораториям в Польше.

- Следы спермы?

- Не нашли.

- Пот, другие выделения?

– Всего хватало, – ответила Йола, по-прежнему не отрывая взгляд от планшета. – Но тогда это было очень посещаемое место. Сейчас там скверик расположенного поблизости пивного бара. Большая часть территории приватизирована.

Я глубоко вздохнула, опустошила бокал и заказала Йоле безалкогольный напиток. Кельнер не сводил с нас взгляд, прислушивался к разговору и реагировал на каждый кивок.

- Записи с камер наблюдения?

– Тогда там не было ни одной. Ближайшая располагалась на несколько сотен метров дальше, но не засняла в то время никакой группы мужчин. Те же, кто попал в ее объектив, были идентифицированы и допрошены. Той ночью никто из них возле Млыновки не находился.

- Возле чего?

- Старое русло Одры, – пояснила Клиза, махнула рукой. – Впрочем, это неважно.

- Есть там какие-нибудь шлюзы?

- Есть. По обеим сторонам.

- И что?

– Если бы парень бросил тело в воду, оно наверняка застряло бы в одном из них. Однако во время розыска их неоднократно открывали. Помнишь? Сначала это трактовали как исчезновение и лишь потом решили, что надо искать останки.

- И в итоге с нашего клиента сняли подозрение...

- Формально – да.

- А неформально?

– Вероятно, проводивший следствие сотрудник полиции Прокоцкий, ставший сейчас подкомиссаром, не был до конца уверен в правильности принятого решения.

- Почему?

– Вернер казался ему подозрительным. Наверное, больше подробностей есть в рапорте Прокоцкого, но для нас этот документ недоступен.

- Еще нет.

Клиза кивнула. Я видела, что она в состоянии добыть любую информацию – все зависело только от отпущенного ей времени и возможности контактов с другими людьми.

У меня ушло немало времени на то, чтобы рядом со мной Йола чувствовала себя комфортно и была откровенна. Я не могла представить, как она справлялась со своими проблемами в академии. Возможно, и не справлялась. Просто запиралась в комнате и погружалась в науку. Отсюда и высокие результаты в учебе.

Я слушала ее рассуждения еще добрых полчаса.

Ни одно из доказательств не указывало на Дамиана Вернера, и в конце концов было признано, что жених к преступлению не причастен. Да уж, если б полицейские не пренебрегли чистой логикой, то приход к такому выводу отнял бы у них куда меньше времени, чем было потрачено.

Я поделилась этой мыслью с Йолой. В ответ она, надув губы, заметила:

– Видимо, они были очень скрупулезны в этом деле... Мне же кажется подозрительным кое-что другое...

– Что?

– Были собраны биологические следы с его тела и одежды. На лице у него, между тем, были следы побоев, по которым можно определить, как нападающие наносили удары.

Я удивленно приподняла брови.

– Я имею в виду отпечатки ботинок.

– Я знаю, чем занимается трасология, – я улыбнулась и сделала глоток вина. – Что тебе кажется подозрительным?

– То, что следователь не сравнил эти отпечатки со следами в пивбаре. Потом, он мог сопоставить следы на теле Вернера и отпечатки пальцев на кружках...

Я не стала говорить, что там могли быть и следы губной помады.

– В общем, они могли получить гораздо больше доказательств. Но по какой-то причине не постарались.

– Кто-то из полиции хотел что-то утаить?

– Возможно.

Некоторое время мы обе молчали. Кельнер все так же прислуживал нам, словно был не работником «Балтик Пайп», а прислугой в аристократическом дворе. Я видела, что Йоле некомфортно, но ничем не могла ей помочь. Роберт давал сотрудникам указания, которые даже я не всегда могла уразуметь.

– В общем, девушка, исчезнувшая десять лет назад, внезапно появляется на концерте, на котором случайно оказывается знакомый Вернера, – подытожила я.

– Не просто знакомый, а лучший друг. Это единственное, что мне удалось установить.

– Вдобавок в Сети появляется фотоснимок, который был только у Вернера в телефоне.

– Угу, – подтвердила Клиза.

– Наконец, как только тот начинает вникать в дело, все исчезает, как камень в омуте, вместе с профилем того, кто разместил это фото.

Йола скривилась, словно это последнее обстоятельство было для нее неприятным.

Странно. Она всегда утверждала, что в природе ничто не исчезает бесследно, а уж в Интернете – тем более. След оставляет каждый, говорила она, – даже мастер замечать следы.

Я молчала в ожидании, когда Клиза раскроется. Но она, судя по всему, не собиралась этого делать.

– Ты говорила, что легче спрятаться в пустыне, чем в интернете, – напомнила я. – Так что должна была напасть на какой-нибудь след.

– Напала, – ответила Йола, тяжело вздохнув. – «Гугл» зафиксировал лишь то, что Брэдди посещал «Фейсбук». Я определила его IP-адрес; это позволило мне установить факт использования им для выхода в Сеть специального роутера и программы, скрывающей нахождение пользователя в интернете. Благодаря этой программе от следственных органов успешно укрывается больше людей, чем скрывалось джихадистов в афганских пещерах в период процветания

«Аль-Каиды». Причем применен был не один роутер, а несколько, большая часть из которых находилась в Великобритании – в том числе, возможно, и на компьютере Брэдди. К сожалению, сейчас я не могу это определить.

– Вероятно, он хорошенько потрудился, чтобы выложить фото, – заметила я.

– Наверняка побольше, чем какой-нибудь обычный юзер.

Азартный блеск в глазах Клизы отлично объяснял, почему это дело не дало ей уснуть. На месте Йола я и сама всю ночь провела бы на ногах, ломая голову над этой тайной...

– О'кей, – заключила я, давая понять, что все нужные мне сведения уже получены. – Как намереваешься действовать дальше?

– Пойду по пути другого снимка. Если он был лишь на смартфоне Вернера, то необходимо проверить, кто мог получить к нему доступ.

– Может, этот его друг?

– Основное подозрение падает на него, – согласилась Йола. – Тем более что он был на рок-концерте во Вроцлаве, а фото сделали именно там...

– Учти, что именно он оплатил наш счет.

– Он мог сделать это, чтобы отвести от себя подозрение.

Глянув в окно, я несколько секунд помолчала. Вид пустых улиц, которые в курортный период обычно забиты туристами, действовал на меня угнетающе.

– Итак, – проговорила я, – основной вопрос для нас сейчас звучит так: действительно ли это она?

– Все указывает на это.

– Не было ли у нее сестры-близняшки? Или двойника?

– Ни того ни другого – ни в этой, ни в параллельной реальности.

– В таком случае, что же происходило с ней на протяжении всех этих лет? Почему исчезла? – Я недоуменно повела головой. – Кто до сих пор насильно удерживал ее в заточении?

Йола внимательно смотрела на меня, стараясь понять, кого я спрашиваю – себя или ее.

– На снимке с концерта не заметно, чтобы кто-то к чему-то ее принуждал.

– Может, так только кажется?

– Может. Этот мужчина на фото, стоящий спиной к объективу, определенно не выглядит дружелюбным.

Вариантов было множество. Поручив Йоле побыстрее определить последовательность их отработки, я встала из-за столика. Увидела, что Роберт подъехал к «Балтик Пайп» на своем серебристом «БМВ» 4-й серии. Гранд-купе выделялся на дороге, и не заметить его было невозможно. Даже не вглядываясь внутрь салона, я понимала, что это приехал муж. Он никогда не опаздывал, всегда приезжая в обусловленное время.

Я попрощалась с Клизой, сказала кельнеру перед выходом, чтобы вино записали на счет фирмы, и села в машину, в которой, несмотря на то что ей был уже год, пахло как в новой. Посмотрела на Роберта, выдававшего длинное распоряжение стоящему у окошка кельнеру. Тот, выслушав его до конца, кивнул и скрылся.

Муж кашлянул.

– Слушай, Кас...

– Не продолжай, – остановила я его. – То, что было вчера, уже прошло.

– Уверена?

Я была уверена – но кое в чем ином. То, что сделал Роберт, повлечет за собой последствия, которые уничтожат его жизнь, а мою, соответственно, изменят. Но до него это еще не дошло.

Приняв мое молчание за исчерпывающий ответ, муж развернул машину и тронулся в сторону нашей виллы на побережье.

– Как встреча? – поинтересовался он.

– Клиза – самостоятельная особа.

Он молча кивнул, глядя на дорогу. Потом глянул на меня взглядом, значение которого мне было давно и очень хорошо известно.

– Ради бога, Роберт! – успокоила я его. – Ничего я ей не сказала. В чем ты меня подозреваешь?

6

До квартиры родителей на улице Гротгерра я добрался вспотевшим, усталым и вообще полностью выбившимся из сил. По-хорошему я даже не понимал до конца, что делаю. Возможно, просто включился какой-то биологический механизм, подсказывающий, что в кризисной ситуации я могу получить помощь родителей.

Я был уверен, что застану их дома. Правда, была середина недели, но оба еще несколько лет назад стали пенсионерами и большую часть времени проводили за пересчитыванием всех когда-то уже прочитанных книг. Уговорить их на что-либо другое мне удавалось редко.

Открывшая двери мать даже не успела что-то сказать, как я обошел ее на пороге и ввалился внутрь квартиры, не обратив внимания на удивление, отразившееся на ее лице.

– Дамиан! – дрожащим голосом произнесла она. – Что случилось?

Тяжело дыша, я захлопнул за собой дверь и оперся на нее спиной. Откинул голову назад и закрыл глаза, подумав: «Хороший вопрос...»

Что случилось?

Убегая из квартиры Блица, я заметил в спальне окровавленный нож. Рану на теле друга обнаружил только одну – сразу под ребрами. Кровь, залившая почти всю кровать, указывала на то, что некоторое время Блицер еще жил, надеясь на помощь. Или схватился с нападавшим, борясь за свою жизнь...

Меня охватила дрожь. Это не могло быть случайностью, но о причине происшедшего у меня в данный момент не было никаких догадок.

На первый взгляд из квартиры не исчезло ничего ценного. К тому же у Блица никогда не было врагов. Он со всеми приятельствовал, ни с кем не ссорился, а женщины, с которыми он спал и которых очень скоро бросал, даже не знали, где находится его квартира.

Значит, его убил тот, кто стоял за исчезновением Евы...

– Что случилось? – повторила мать.

Я открыл глаза и посмотрел на нее. В этот момент из комнаты, морща лоб, вышел отец.

– Сын? – удивленно констатировал он своим низким, басовитым голосом.

Отец всегда обращался ко мне так – без имени. Первоначально это был его личный протест против выбранного матерью для меня имени – Дамиан, которое ему не нравилось. Потом это вошло у него в привычку.

Оба были доброжелательными и добропорядочными людьми. Я мог бы сказать о них так, даже если б это не они меня вырастили. Иногда мне казалось, что понятие чистого зла, хорошо знакомое многим другим людям, для них попросту абстракция.

Поэтому мне было трудно описать им весь ужас случившегося.

Целый час ушел на то, чтобы я наконец мог выдать из себя хоть что-то. Мы молча пили чай в небольшом, с обоями в клетку, зале. Вернее, дождались, когда горячий напиток немного остынет, сделали по одному глотку и отставили чашки.

Сначала родители мне не поверили. Затем до них стало доходить. В итоге они восприняли случившееся намного быстрее, чем это сделали бы большинство других людей. Я понимал, почему они так отреагировали. Однажды мы уже столкнулись с трагедией – и после исчезновения Евы были готовы ко всему.

Она была для них как дочь. Мои старики особенно сблизилась с ней после того, как ее родители погибли в дорожно-транспортном происшествии примерно за год до нападения у Млыновки. Ранее в их общении сохранялась дистанция – может, потому, что мать и отец не шибко общались с моими несостоявшимися тестем и тещей. Мы происходили, так сказать, из разных миров. Мои родители были родом из простых рабочих семей и никогда не стремились к большому достатку. Этим, по сути, все и объяснялось...

Судьба унесла мать и отца Евы именно тогда, когда она стала особенно близка моим родителям. Мне казалось, что происшедшее закалило нас всех, но, едва я пришел к такому выводу, оказалось, что в отношении одного из нас все совсем иначе...

Я почувствовал приступ тошноты.

– Ты такой бледный! – встревожилась мать.

Разве мог я ожидать от нее иной реакции? Она обеспокоенно смотрела на меня. Отец же уставился в стену пустым взглядом.

Несколько минут прошли в молчании.

– Матерь Божья! – всполошилась, сокрушенно покачав головой, мать и поспешно поднялась. – Подожди, приготовлю что-нибудь поесть... Ты ведь ничего не ел, правда?

– Да, но...

Она пошла на кухню, а я и отец обменялись короткими, но многозначными взглядами. Мы оба отдавали себе отчет, в какой плачевной ситуации я оказался.

– Сообщил в полицию? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Может, пойдешь с повинной? Лучше, чтобы они узнали о случившемся от тебя.

– Что это даст?

– Создаст лучшее впечатление...

– Впечатление однозначное, – ответил я. – Там повсюду отпечатки моих пальцев.

– Именно об этом я и говорю, сын. Ты должен как можно быстрее уведомить полицию, что не имеешь с произошедшим ничего общего.

Из-за травмы, являвшейся для нас тяжким грузом на протяжении многих лет, мы разговаривали холодно. Кроме того, я не мог придумать сценарий, который мог бы принести мне пользу.

– Чуда не будет, – произнес я, оседая в кресле. – Наверняка кто-то уже поднял тревогу. Может, даже уже снимают отпечатки пальцев... Сегодня же пробьют по базе и придут за мной.

– Как знать...

Я бессильно перевел дыхание, закрыл глаза и откинул голову назад. Мелькнула мысль, что все это – лишь похмельные глюки.

– Видел тот нож, да?

– Ну да...

Я помнил все как в тумане, но был уверен, что это ненадолго. Все будет точно так же, как с воспоминаниями о произошедшем возле Млыновки. Поначалу мутные, частично неосознаваемые, как бы не несущие ощущения опасности; потом, через кошмары и возрождаемые в недрах памяти картины, они станут все более острыми – и в конце концов примут навязчивый характер.

– На нем нет отпечатков твоих пальцев, – сказал отец. – И этого достаточно.

– Они могут сказать: «Был в перчатках».

– А перчатки где-нибудь там были?

– Папа...

– Это базовые вопросы.

Я уныло покачал головой.

– Для тебя – да, но не для полиции. Они предположат, что перчатки я забрал с собой, а потом избавился от них.

Сказав это, я вдруг осознал, что мой побег из квартиры стал худшим из всего, что я мог сделать. Надо было остаться на месте и немедленно уведомить следственные органы, а потом, ничего не трогая, ждать.

С кухни донесся запах яичницы. Мама делала лучшую в мире яичницу, но сейчас даже сама мысль о еде вызывала у меня тошноту.

Наклонившись, я уткнулся лицом в ладони.

– Что, черт возьми, творится? Кому и почему понадобилось убивать Блицера? И к тому же таким образом, чтобы все указывало на...

Я осекся, ощущая наплыв горячей волны. Ладони мгновенно стали влажными, а тошнота усилилась. Я медленно опустил руки, глядя на отца ничего не выражающим взглядом.

– Что? – спросил он.

– Этот нож...

Отец поднял брови так, что морщинки на его лбу достигли седых волос.

– Бл...! – выругался я.

– О чем ты, сын?

– Я заметил этот нож вечером, – ответил я, нервно потирая переносицу. – Открывал им какое-то вино – хотел снять фольгу с пробки...

– Ты уверен, что это тот самый нож?

Я кивнул. На сто процентов уверен не был, но, по логике вещей, так оно и было. Убийца вошел в квартиру, увидел нож на столешнице и решил его использовать. Блиц не мог оказать серьезного сопротивления, будучи в таком же состоянии, как и я. Возможно, даже в худшем...

Я невольно представил, как мой друг очнулся от пьяного сна только для того, чтобы через мгновение умереть, – и по моему телу прокатилась дрожь.

На протяжении какого-то времени мы с отцом хранили молчание. Вышли из оцепенения лишь тогда, когда в комнату вошла с яичницей мать. Она подала нам тарелки – и сразу поняла, что завтрак ждет такая же судьба, как и почти нетронутый чай. Впрочем, должна же она была что-то сделать для нас, проявить заботу...

Мать уселась на диван сбоку от отца и, сочувственно посмотрев на меня, спросила:

– Что будем делать?

– Пока ничего, – ответил я, опасаясь, что отец начнет убеждать меня немедленно связаться с полицией, но тот помалкивал.

Однако уже через минуту я понял, что свои доводы он собирается привести мне иным способом.

Отец смерил меня взглядом, который был мне хорошо знаком.

– Это не имеет никакого смысла, – сказал я.

– Помолчи, сын.

– Не нужно. Вижу, ты все так же склоняешься к обращению в полицию?

– Я не настаиваю.

– Хорошо. – Я произнес это довольно спокойно, но эмоции начинали брать верх. – Потому что, как видишь, меня подставили! И кто-то за этим стоит, каким-то образом влияя на тех, кто носит мундиры.

Отец вздохнул, а мать потупила взгляд. Для них это была старая песня, начавшая звучать вскоре после исчезновения Евы. Я прошел тогда через все стадии депрессии, обвиняя каждого, на кого мог подумать. Со временем в моем сознании закрепилась версия, что следователи скрывают доказательства потому, что как-то замешаны в произошедшем. В какой-то момент я даже решил, что нападавшие были полицейскими, захотевшими отдохнуть и развлечься после службы... В конце концов я отказался от этой абсурдной версии, как и от многих других, – но теперь был вынужден снова обратить на нее внимание. Сейчас возможно всё.

– Нынче уже не времена Народной Польши, – нарушил молчание отец. – Теперь есть оборудование, технологии. Они могут установить, что случилось на самом деле.

Случилось то, что я жив, а Блиц – нет...

Повод мог быть только один. Убийце требовалось не только устранение моего друга, не только подача некоего сигнала, но и моя виновность. Но зачем? Не проще ли было убить и меня тоже?

Мне стало еще жарче от мысли, что я был настолько близок от смерти. Хватило бы минуты – и решения одного человека...

– Они увидят лишь доказательства, свидетельствующие против меня, – пробормотал я себе под нос. – Убийца позаботился об этом...

Никто не успел даже открыть рот, чтобы ответить мне, как вдруг раздался звонок, заставивший всех вздрогнуть. Через пару секунд до меня дошло, что звонит аппарат Блица. Видимо, впопыхах, бездумно я забрал его, чтобы иметь хоть какую-нибудь связь с миром.

Я достал смартфон из кармана и увидел одно непрочитанное сообщение. Автомат от «Рейманн инвестигейшн» прислал код доступа. Машинально отложив телефон на подлокотник кресла и наморщив лоб, я уставился в гаснущий дисплей. Затем поднялся и двинулся в сторону комнаты, бывшей когда-то моей, а теперь служившей отцу кабинетом.

Когда-то я купил родителям новый компьютер, поскольку они уверяли меня, что жаждают жить в ногу со временем и пользоваться всеми чудесными возможностями интернета. Поскольку старый комп был для этого не очень-то пригоден, родители согласились на приобретение нового.

В одном из шкафов хранился и старенький «Асус» – мой первый ноутбук, для которого сейчас самое подходящее место в музее. Выбирая из двух вариантов, лучше было бы, конечно, воспользоваться стационарным компом.

Я включил его, дождался появления загрузочного окна и ввел присланный Блицу код доступа. На дисплее, в небольшой табличке, высветились имена двух пользователей. Нас идентифицировали исключительно сочетания букв и цифр. Шифр, открывавший нам доступ во внешнюю сеть, должен был обеспечивать абсолютную безопасность, но я не знал – то ли это правда, то ли маркетинговый ход, с помощью которого сотрудники агентства хотели убедить Блица пользоваться именно их услугами. Они уверяли, что вся информация автоматически шифруется специальными армейскими устройствами. И что это делается еще до того, как данные будут отосланы с компьютера отправителя, а на сервер приходит уже закодированная версия, и ее невозможно открыть без кода, который я должен получить заранее эсэмэской. Дополнительной мерой безопасности являлось то, что полученные сообщения исчезали по истечении десяти секунд.

Я выжидающе смотрел на черный экран. Наконец появилась надпись:

(xc97it) Всё в порядке?

Я ответил сразу:

(w0p6z1) Нет. Не в порядке.

(xc97it) Я общаюсь с Вернером? Да?

(w0p6z1) Да. Кто это?

(xc97it) Йола.

Я наблюдал, как ряды букв появляются и почти сразу исчезают. Это имя мне ни о чем не говорило. По-хорошему, мне не было точно известно, действительно ли на другой стороне находится какая-то девушка.

(xc97it) Мы разговаривали вчера.

(w0p6z1) Припоминаю.

Наступила долгая пауза – по крайней мере, так мне показалось. Вроде прошло несколько секунд или даже минут, пока не появилось очередное сообщение:

(xc97it) Что у вас случилось?

Теперь я вспомнил, что девушка с которой мы вчера связывались, представилась Йолой Клизой. Это ей было поручено заниматься делом Евы, а Блиц возмущался, что «ничего лучшего они и выдумать не могли», потому что она виделась ему длинноногой блондинкой с рюмкообразной фигурой.

Я обвел комнату взглядом, отмечая, что родители оставили в ней много вещей из моего детства. Заметил несколько напоминаний о Еве, сохранившихся еще со времен начальной школы. Между ними находились фигурки Человека-паука, на котором я когда-то был помещен, – до такой степени, что Ева обращалась ко мне, как Мэри Джейн к Питеру Паркеру: «Тигр». Может, это звучало, мягко говоря, необычно, но, учитывая мою увлеченность Человеком-пауком, мне это было очень приятно. Находилась здесь и табличка, упертая мной и Блицем с какого-то дорожного знака во время учебы в старших классах.

Только сейчас я ощутил тяжесть произошедшего, хотя знал: время скорби еще придет. Теперь нужно постараться, чтобы все не полетело к чертовой матери. Может, я и параноик, но хорошо представлял себе, что тогда произойдет. Полиция быстро меня поймает. Прокуратура назначит меру пресечения. Я окажусь в следственном изоляторе, где буду находиться аж до судебного процесса. Потом меня отправят в исправительное учреждение. И уж тогда и речи не пойдет о поисках следов Евы. Я никогда и нигде ее не найду. Она пропадет навсегда...

Я пустым взглядом смотрел на монитор, уносясь мыслями все дальше и дальше. Очнулся лишь когда снова появился тот же вопрос:

(xc97it) Что у вас случилось?

Осознав, что Йола – единственный человек в эту минуту, который может мне помочь, я описал ей все, что помнил. В подробности не углублялся – они сейчас неважны.

Текст исчез, и я снова уставился в черный пустой экран, на котором беспокойно мигала лишь белая стрелка курсора...

(xc97it) Есть на чем писать?

Из одного из ящиков я достал блок желтой самоклеющейся бумаги и записал на нем номер, появившийся на экране.

(xc97it) Купи в комиссионке какой-нибудь бэушный «Айпэд» с симкой и с него пошли на номер, который я тебе указала, смс с сочетанием b41t1cp1p1.

Я все записал.

(w0p6z1) Что дальше?

(xc97it) Дальше я буду тебя вести, но сейчас ты должен избавиться от телефона.

(w0p6z1) Предлагаешь скрыться?

Курсор снова мигнул, словно злой звериный глаз в темноте. Я сглотнул слюну.

Наконец появился ответ:

(xc97it) Да.

Затем внезапно доступ отрубился, а окошко закрылось. С минуту я сидел в отупении. Потом сообразил, что Клиза могла получить информацию, которой у меня не было, а значит, она знает больше, чем я.

Передо мной открывалось несколько выходов, но все они выглядели одинаково тупиковыми. В конце концов я выбрал тот из них, который показался мне наиболее надежным. Подумал, что коль уж Блиц доверился этой девушке, то, видимо, и я должен ей поверить.

И даже не подумал, что он мог погибнуть именно из-за нее...

7

В доме меня ждали букеты белых ирисов – по одному в каждой комнате. Тонкий и точный расчет Роберта, прекрасно знавшего мои любимые цветы и покупавшего их при каждой возможности. Меня они радовали, хотя я считала это абсурдным.

Ведь белый цвет – цвет невинности, а уж ею мой муж не мог похвастать.

По дороге он неоднократно спрашивал меня, держу ли я на него обиду, а я как заведенная утверждала, что нет. Когда мы вошли в холл, он внимательно следил за моей реакцией. Я сделала все, чтобы убедить его, что никакого прощения просить у меня не нужно.

Мы обнялись, поцеловались, и он под руку проводил меня в столовую, находящуюся внизу, на северной стороне дома. С южной у нас был лес, а из окон зала открывался вид на бескрайний простор Балтийского моря.

Вилла располагалась на небольшой возвышенности, благодаря чему можно было любоваться далеким горизонтом. При хорошей погоде виднелись казавшиеся издали крохотными пунктирными линиями на фоне неба силуэты гигантских кораблей в открытом море.

Еда была уже готова. Мы пользовались кухонным оборудованием фирменной линии «AGD», большая часть из которого могла управляться удаленно. Роберт заранее поставил еду в духовку и по дороге домой включил подогрев.

Затем он подал мне утку по-вьетнамски. Я знала, что ему не хватает времени на кулинарию. Это было одно из любимых занятий мужа, углубляться в которое он не имел возможности.

Пикантный вкус и выразительные нотки аниса меня не впечатлили. Меня вообще не удивляло все, что он делал. Все происходило согласно устоявшейся, знакомой нам обоим схеме.

– О чем разговаривала с Йолой? – поинтересовался Роберт, наливая в бокалы новозеландское вино «Пино Нуар». Он утверждал, что никакое другое вино не сочетается так хорошо с уткой.

– Только о деле.

– Не напоминала о...

– Уже сказала, нет.

Роберт наполнил мой бокал на одну треть и уселся напротив.

– Одного ты не сказала, – произнес он.

– Чего?

– «Я тебя прощаю».

Я посмотрела на него и вздохнула. Конечно, сейчас он только хотел удостовериться, не держу ли я на него обиду, потому что на действенность своей просьбы о прощении не рассчитывал. Рано или поздно все у него уляжется как надо, но пока он готовил для себя почву.

Это было подобно танцу, который мы оба решили исполнять, чтобы продлить свою любовь. Белые ирисы, приготовление блюд специально для меня, прислуживание мне, как будто происходило лишь только днем.

– Не за что прощать, – ответила я.

Роберт потупил взгляд, изображая глубокое переживание. Было ли это действительно так? Не знаю. Несмотря на то что мы познакомились еще во время учебы и сразу влюбились друг в друга, мне казалось, что я до конца так и не смогла узнать своего мужа.

– Попробуй вино, – предложил он.

– Я перед этим пила просекко. Не хочу мешать.

Он не стал настаивать, а я не считала нужным что-то еще добавлять.

Роберт отдавал себе отчет в том, что если б я выпила еще, то могла бы выдать все свои претензии. До сумерек было далеко, и для выпивки у меня имелось достаточно просекко. Но

каждый бытовой пьяница понимает: если он хочет продолжать пить, то должен соблюдать определенную меру и ни под каким предлогом ее не превышать.

Роберт съел кусочек утки и медленно сложил салфетку. Все так же не поднимая глаз, проговорил:

– Это больше никогда не повторится...

– Знаю, что нет.

– Я выпил лишнего, Кас. Это меня и спровоцировало.

– Я уже сказала тебе, что...

– Что не о чем переживать. Так? – закончил он мою фразу. И, качая головой, добавил: – Но ведь это неправда...

Затем поднялся, подошел ко мне, прислонился к стулу. Взял мою руку и долго смотрел на меня в упор. Я видела в его глазах сожаление, стыд и глубокое смущение. Несомненно, это были искренние чувства, а не притворство.

Роберт был человеком, полным противоположностей. Наверное, под стать мне.

– Мы должны преодолеть все это ради установления лада в семье...

– Успокойся.

– Я ударил тебя...

«Не в первый и, возможно, не в последний раз», – подумалось мне.

К тому же каждый следующий случай выглядел все хуже и хуже. Это не просто повторялось, а приобретало все более зловещую окраску. А ведь все начиналось настолько невинно, насколько невинным может выглядеть бытовое насилие...

Однажды ночью Роберт отлупил меня стеком лишь за крошечное упущение в деле, касающемся одного из пляжных заведений. Это была сущая мелочь; даже не помню, в чем там была суть.

Сначала он ранил меня только словами, но в следующий раз дошло до большего. Надавал мне пощечин и толкнул. Быстро опомнился, словно очнулся от летаргического сна. Извинялся, постоянно умолял о прощении и обещал, что такое никогда больше не повторится.

Тогда я верила ему, потому что хотела верить. Чувствовала себя оскорбленной, слабой и беззащитной, но он продолжал оставаться единственным человеком, на которого я могла положиться. Тому, кто никогда не сталкивался с насилием со стороны любимого, меня не понять. Это не сообразуется с рационализмом и логикой.

Прошло совсем немного времени, и Роберт ударил меня снова, но уже кулаком. При этом кричал на меня как бешеный, а я молилась только о двух вещах – чтобы он не зашел еще дальше и чтобы Войтек ничего не услышал. В первой части мои мольбы остались безответными, а во второй мне, видимо, все же удалось выпросить помощь у кого-то наверху.

Вчерашней ночью Роберт перестарался – схватил меня за волосы, что-то орал прямо в лицо, а потом несколько раз ударил в живот. И я решила тогда, что далее терпеть не буду. Сегодня настал день, который я буду вспоминать, как первый шаг к новой жизни.

Поэтому Роберт и допытывался о том, что я делала и с кем разговаривала. И даже поручил одному из сотрудников присматривать за мной. Понял, что нарушил границы, а я больше никогда не позволю ему даже приблизиться к ней.

Я смотрела на букеты белых ирисов и пыталась обмануть себя, что по-прежнему люблю эти цветы, хотя на самом деле с определенного момента возненавидела их. Они словно напоминали мне о безнадежной ситуации, в которой я оказалась.

– Давай не оставлять этого так, – тихо сказал Роберт.

– Что ты имеешь в виду?

– Подай заявление...

– Зачем?

– Повезу тебя в Камень Поморский. Пойдем в больницу и...

– С ума сошел?

– У тебя будет доказательство...

Я отодвинула стул и повернулась к нему. Он наклонился и положил голову на мои бедра. Находился в таком положении какое-то время, а я ласково гладила его по волосам.

Он хотел иметь над собой висящий дамоклов меч? Свидетельство того зла, что причинил мне?

Ничего иного быть не могло. Я допускала, что его намерения искренни. Знала, что он пытается что-то изменить, и несколько раз ему это удавалось. А потом снова доходило до рукоприкладства...

– Думаешь, это что-то изменит? – спросила я.

– Буду знать, что в каждую минуту ты можешь...

– Что? Пойти в полицию?

Роберт поднял голову. Глаза его влажно блеснули, и он никоим образом не напоминал человека, который вчера издевался надо мной, таская за волосы и избивая до беспамятства.

– И ты позволил бы, чтобы тебя посадили в тюрьму? – продолжила я. – Чтобы Войтек остался без отца и мы выживали бы сами, без тебя?

– Не говори так!

– Но это правда, Роберт! Как ты это себе представляешь?

Сколько помню, мы всегда были откровенны друг с другом. Мне казалось, что в любом другом союзе подобная ситуация складывалась бы ровно наоборот: женщина или ушла бы, или насилие над ней было бы недопустимо. У нас всё не так. Мы говорили обо всем, не пытаясь «замыливать» друг другу глаза. В самом деле, никогда не врал – не считая того, что он скрыл от меня суть своей другой, brutальной натуры.

Роберт теснее прижался ко мне и обнял за талию.

– Как ты можешь быть рядом с таким сукиным сыном? – спросил он.

– Не знаю, – ответила я со смущенной улыбкой.

– Хотя бы поцарапала в отместку ему это гребаное германское автокупе...

– Ага. Собираюсь ночью воспользоваться баллончиком с краской.

– Правильный выбор.

Когда он снова посмотрел на меня, я поцеловала его, нежно прикоснувшись ладонями к щекам. Подумалось, что мы отличаемся от других пар, которые в подобной ситуации сразу же направились бы в спальню.

Однако мы редко спали вместе – все реже и реже, начиная с первого случая насилия. Мне даже иногда думалось, что, избивая меня, Роберт получает сексуальное наслаждение. Он всегда делал это с дикими, необузданными эмоциями. Со звериным ревом, который не мог сдерживать. Но в то же время бил так, чтобы не оставлять следов. Это напрягало меня более всего – казалось, что во всем этом кроется какой-то холодный расчет.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на прикосновении его губ. Господи, неужели этого хватило, чтобы я утратила самолюбие? Еще несколько часов назад я была уверена, что одержу победу, что больше не дам помыкать собой. Ведь именно с таким решением я садилась в машину, когда он приехал за мной.

Как мало потребовалось, чтобы мое мнение изменилось... Неужели оно действительно изменилось? Я не могла ответить себе на этот вопрос. Знала только, что любовь – самый опасный токсин, сотворенный природой.

Роберт сел на свое место и сделал большой глоток вина. Неуверенно глянул на утку.

– Или она мне не понравилась, или я чувствую к себе такое отвращение, что оно отражается на вкусе.

– Или и то и другое...

– Может, ты и права, – ответил он, отодвигая от себя тарелку.

Роберт выглядел бледным, как Йола Клиза, которая на свежем воздухе бывала, наверное, только во время перемещения из одного здания в другое. Ее голова была постоянно слегка наклонена, и черные, длинные, доходящие до поясницы волосы спадали на щеки, контрастно подчеркивая мертвенно-бледный цвет кожи.

«Удалось ли ей добиться какого-то продвижения в деле Евы?» – размышляла я. Это был хороший ход мысли, чтобы отвлечься от произошедшего ночью. Я решила поделиться с Робертом.

– Я говорила тебе о той исчезнувшей девушке. Помнишь?

Он отодвинул бокал и несколько мгновений внимательно смотрел на меня, пытаясь, видимо, понять: к добру ли смена темы?

– Только то, что она была изнасилована возле реки, после чего бесследно исчезла – как и насильники.

– Пока не появились фотоснимки.

– Ну да. Это случилось в Ополе?

Я утвердительно кивнула.

– Вроде что-то об этом слышал... Давно это было?

– Десять лет назад.

– И ты действительно считаешь, что спустя столько времени она отыскалась?

– Похоже на то. Но сейчас кто-то старается скрыть этот след.

– Может, она сама... – предположил Роберт, а я добралась до утки, – не хочет быть найденной?

– Трудно сказать, – ответила я, взяв небольшой кусок мяса.

Еда показалась мне чересчур острой, но я постаралась не обращать на это внимания. Все-таки муж готовил ее как часть своего извинения. Приготовление блюда требовало довольно много времени, которого Роберту постоянно не хватало.

– Возможно, после изнасилования она решила начать все заново? – продолжил он.

– И так вот прямо оставила бы жениха? Сомневаюсь.

– Общались с семьей, знакомыми? Вдруг кто-то что-нибудь знает или поддерживал с ней связь...

– Семьи у нее нет, – констатировала я, решив все же выпить вина. – Родители погибли в ДТП примерно за год до того, как случилось изнасилование.

– Патовая ситуация.

– Жизнь... – я пожала плечами.

Обсуждение темы прекратилось, так как я видела: Роберту она не очень-то интересна.

Когда мы создавали «Рейманн инвестигейшн», он был вдохновлен ее потенциалом. Вел себя как маленький мальчик, который наконец-то стал обладателем желанной игрушки. Однако со временем его энтузиазм значительно поубавился. Мой, надо признать, тоже.

К нам обращались в основном люди, заинтересованные в слежке за супругами, отыскании должников, внезапно пропавших вместе с деньгами. Нам же хотелось дел, подобных делу об исчезновении Евы. Мне казалось, что тогда в Роберте оживет прежняя уверенность. Но так, скорее, лишь казалось.

Мы сидели, не касаясь никаких действительно важных вопросов. Вставая из-за стола, я чувствовала легкое головокружение. Просекко и красное вино не очень-то ладили между собой. Особенно если день начинался с первого. И если было намерение им же закончить.

Бывали дни, когда я точно знала, что ничего особенного не произойдет. Но нынешний точно к ним не относился. Я удостоверилась в этом, получив эсэмэску от Йолы.

Роберт уже готовился к выходу – собирался забрать из школы Войтека. Мне не нравилось, что он подъезжает на своем «БМВ» прямо к школе. Это образовывало своего рода про-

пасть между нашим сыном и другими учениками. Зная склонность детей к стычкам, я вполне допускала, что конфликтуют они не только на переменах.

Опорожненная до половины бутылка вина тоже будила во мне протест, но лишь внутренний. Я знала, что протестовать бессмысленно. Роберт все равно сядет за руль, и единственное, чего я могла бы добиться своим протестом, – это очередная ссора.

Полиции он не опасался. Даже если бы стражи порядка его задержали, то составили бы протокол скорее на себя, чем на него. Формально гмина Ревал управлялась войтом, а все входящие в нее деревни – солтысами⁵. Но на деле командовали здесь такие люди, как Роберт, – местные владельцы туристическо-гастрономических заведений, которые давали работу не одной семье.

– Что-то не так? – спросил Роберт, вставая из-за стола.

Я оторвала взгляд от аппарата.

– Получила сообщение от Клизы.

– Что пишет? Какие подвижки?

– Скорее, проблемы, – ответила я озадаченно. – Утверждает, что немедленно должна со мной переговорить, потому что возникла неординарная ситуация.

– Подбросить тебя к «Балтик Пайп»?

– Нет. Попробую обсудить все по телефону.

Роберт собрал посуду, ополоснул ее и сложил в посудомоечную машину. Я сто раз объясняла ему, как крестьянин – корове на меже, что не нужно загружать ее столь малым количеством посуды, поскольку моющее средство будет тогда крутиться в ней без толку. Но все мои доводы муж сопровождал молчанием.

Он поцеловал меня на прощание, хотя уже через четверть часа должен был вернуться. Потом послышался тихий рокот мотора «БМВ».

Я глубоко вздохнула и набрала номер Йола. Та взяла трубку сразу, как будто ждала моего звонка.

– Блицкий мертв! – выпалила она.

Клиза точно не относилась к числу обходительных особ. Сразу сбила меня с толку, и некоторое время я не знала, что ей ответить. В голову ничего не приходило.

– Был найден мертвым в своей квартире, – сообщила Йола тоном ведущей теленовостей, лишенной эмоций.

Поднявшись со стула, я пошла к холодильнику. Выходило так, что сегодня выпал денек, в котором мне придется пренебречь всеми святыми христианскими заповедями.

– Известно что-либо еще? – задала я вопрос.

– Официально полиция не сообщает никаких подробностей.

– А неофициально?

– По всему выходит, что у него ночевал Вернер.

Я замерла с бокалом в руке.

– Не хочешь ли ты сказать, что...

– Нет, – не дала она мне закончить. – С чего бы ему покушаться на жизнь друга?

Я сделала глоток – и почувствовала себя немного лучше.

– Это не имеет смысла, – заключила Клиза. – Блицкий был его единственным... не только другом, но и человеком, кто готов ему помочь. К тому же Вернер настолько толковый парень, что мог бы придумать и что-то позамысловатее.

– То есть кто-то хочет его подставить?

– В худшем случае – да, в лучшем – просто стечение обстоятельств.

⁵ Гмина – сельское объединение, войт – глава управления, солтыс – староста.

Я не верила в случаи. Была убеждена, что это пустые отговорки, употребляемые при незнании причин произошедших событий.

– Так или иначе, но на месте преступления полно его биологических следов, дающих основание для задержания.

– Уверена? – спросила я.

– На сто процентов нет. Всю информацию получила из вторых рук. Но, безусловно, он станет главным подозреваемым.

– В таком случае, нужно его...

– Спрятать. Знаю, – сообщила Йола. – Уже занялась этим.

Я нахмурила брови. Тогда зачем же она звонила мне? Бесспорно, мне хочется быть в курсе всех находящихся у нас в работе дел, но только если возникнут какие-то требующие решения ситуации. В данном случае решение приняла она сама.

Я поставила бокал на столешницу и присела на ее край, поглядывая в большое застекленное окно на побережье.

– Удостоверься, что он не делал этого, – порекомендовала я. – Не хочу потом никакого черного пиара.

– Так и сделаю, – заверила Йола. – Но сначала я должна позаботиться о том, чтобы его не «закрыли». В противном случае мы полностью утратим с ним связь.

– Хм, – хмыкнула я. – Это понятно, но ты ведь не поэтому мне звонишь.

– Нет, не поэтому.

– Так в чем дело?

– Я изучила еще раз все материалы. – В ее голосе слышались выразительная, почти детская интонация и какая-то необъяснимая сдержанность. – Та девушка пробовала передать сообщения, – добавила она.

– Что?! – выпалила я. – Какие сообщения? Кому?

Вопросы звучали в моей голове, как артиллерийские залпы.

– Этого я еще не знаю, – проговорила Клиза. – Но намерена выяснить.

8

Телефон я купил в первой попавшейся комиссионке, а сим-карту – немного подальше, в придорожном киоске. Не теряя времени, сразу послал сообщение на номер, указанный мне девушкой из «Рейманн инвестигейшн».

Она ответила почти сразу.

– Порядок! Теперь можем спокойно разговаривать.

– Для спокойствия мне далековато...

– Неудивительно.

Оглядываясь, я нервно пригладил волосы. Было чувство, что каждый прохожий буквально буравит меня взглядом, зная, что я на мушке у полиции.

– Как так случилось? – проблеял я. – Как до такого дошло?

– Со временем всё выясним, а сейчас...

– Нет, – прервал я ее. – Я должен знать, что происходит. Кто это сделал? Для чего?

Шедший навстречу мужчина посмотрел на меня, как мне показалось, подозрительно и даже осуждающе. Миновав его, я обернулся и глянул через плечо, но увидел только удаляющуюся спину. Я впал в паранойю, но, в общем-то, это было предсказуемо.

– Почему кто-то должен был его убить? – не сдавался я.

– Всё выясним.

– Кто действует против меня? Полиция?

– Вернер! Послушай меня минутку...

– Чего они хотят?!

– Вернер!

Я покачал головой и выругался. В общем-то, голос Йолы Клизы вернул меня на землю, потому что звучал как голос человека, хорошего меня знавшего. Он напомнил мне об интересном положении, в котором я оказался. И сейчас единственным человеком, кому можно было довериться, являлась именно эта незнакомка.

– Остынь, – посоветовала она. – Обязательно выясним, что произошло, но сейчас самое важное, чтобы ты остался на свободе.

Соглашаясь, я, как загипнотизированный, кивнул.

– Ты здесь?

– Да.

– В данный момент формально никто тебя не разыскивает, и ты должен использовать это обстоятельство.

– Формально...

– Думаю, ты не нарушишь закон, если сделаешь ноги за границу, – посоветовала Клиза; впрочем, в ее голосе проскальзывала неуверенность. – В отношении тебя пока не возбуждено уголовное дело, не ведется преследование. Ты свободен, как любой другой гражданин. И этим надо воспользоваться.

– Предлагаешь покинуть страну?

– Нет. Но я смогу сделать для тебя гораздо больше, если ты окажешься в Приморье.

Остановившись на Пястовском мосту, я вглядывался в его стальные дуги. По ним так часто лазили, что городские власти разместили комичное предостережение о том, что движение вверх запрещено.

Я стоял по правой стороне моста, опершись на перила, и смотрел в направлении двух отелей на Пасеке – небольшой насыпи, омываемой водами Одры и Млыновки. Ложа Шидерцев располагалась на другой стороне.

– Я нигуда не выезжал, – сообщил я Йоле.

– Довольно умно, беря во внимание...

– Не собираюсь я делать умные вещи, – пробурчал я себе под нос. – Будь иначе, давно явился бы в полицию.

– Нерациональное рассуждение, Верн.

– Верн?

– Так удобнее.

– Или Дамиан, или Вернер. Не нужно превращать меня в Верна!

Я переместил взгляд на пешеходные дорожки, ведущие от амфитеатра, и позавидовал беззаботно гуляющим по ним людям. Они не ощущали тяжести прошлого, которую носил за спиной я, не находились в безнадежной ситуации и не имели перед собой такого неясного, тревожного будущего.

Я прикидывал: «Зависит ли еще что-нибудь от меня?» Без оглядки на тех, кто за всем этим стоял, я был готов на все. Как бы в подтверждение этого опустил веки. Перед глазами снова возник образ окровавленного тела Блица.

– Может, мне все-таки надо что-то сделать? – спросил я.

– Например, что?

– Явиться в полицию...

– Ни в коем случае! Это отнюдь не разумное намерение. А в данной ситуации – тем более.

– Но почему? – возразил я, поворачиваясь и опираясь спиной на перила. – Может, мы впадаем в паранойю, а службы не имеют к произошедшему никакого отношения?

– Хочешь проверить это на собственной шкуре?

– Почему бы и нет? – отпарировал я с растущей уверенностью, но только в голосе. – Может, под стражей я буду в большей безопасности? Там ведь есть камеры наблюдения и...

– И не такие трагедии случались, Верн.

– Вернер, – поправил я.

– Речь идет лишь о необходимости соблюдать осторожность. А пока никто тебя не преследует, ты имеешь право свободно передвигаться.

– Имею право только теоретически, – понурил я голову. – Убежал с места преступления, хотя первое, что мне нужно было сделать, – явиться в полицейскую комендатуру...

– Ты был в шоке.

– Который позже прошел. И если дело дойдет до суда, мой выезд из города сыграет против меня.

– Ничего.

Я фыркнул. Самоуверенность этой девушки не соответствовала никакой логике. Но, может, не стоит удивляться? Детективные агентства редко конфликтуют с полицией.

– Коль уж мы заговорили о шоке... Ты избавился от телефона? – поинтересовалась Клиза.

– Нет.

– Зачем вообще ты забрал его из квартиры Блицкого?

– Не знаю...

Йола несколько секунд молчала, но я прекрасно знал, что она хочет мне сказать. Я был обязан выбросить единственную оставшуюся от друга вещь. Иначе, раньше или позже, аппарат Блица станет для меня отягчающим обстоятельством.

Я тяжело вздохнул и, оглядевшись – не заметил ли кто? – бросил телефон в Одру. Тот сразу же исчез в мутной воде.

– Знаю, что не хочешь этого делать, но должен...

– Уже сделал, – прервал я ее.

– Хорошо.

Клиза снова умолкла. Я понимал, что ей неудобно молчать в ситуации, когда тишина была самым говорящим подтверждением множества моих проблем. Видимо, она лихорадочно обдумывала, как выйти из этой ситуации. Наконец выбрала, что могла, из худшего.

– Ты никому сейчас не должен доверять.

– Спасибо, – отреагировал я. – Именно что-то в этом роде я и хотел услышать.

Она вздохнула, а я пошел вперед.

– Если ты не намерен приехать сюда, то хотя бы находишься вне зоны действия радара.

– Как?

– Мы во всем тебе поможем, – заверила Йола. – Сейчас снимите комнату в каком-нибудь мотеле в предместье города. Имеются у вас такие?

– У меня сейчас нечем оплатить даже самую заброшенную подворотню, – жалобно сообщил я.

– Пусть тебя это не заботит.

– А кто за это заплатит? Вы? Внезапно переквалифицируетесь в кредитную фирму?

Я понимал, что должен наконец сменить тон и отбросить подозрительность. Безусловно, у меня был повод никому не доверять, но для людей, на которых полагался Блиц, мне нужно было сделать исключение.

– Твоим делом заинтересовалась сама Кассандра, – сообщила Йола, словно это могло что-либо мне пояснить.

– Кто это?

– Руководительница нашего агентства.

– Я думал, что ваш хозяин – Роберт Рейманн.

– Это так, но он давно уже перестал интересоваться делами агентства. Сейчас все зависит от его жены, а я постаралась, чтобы она была захвачена твоим делом не меньше, чем ты сам. Она уже увлечена им, а по мере поступления информации и продвижения еще более увлечется.

– Ну, думается, не настолько, чтобы оплачивать мой ночлег.

– Спокойно. У этих людей нет нужды пересчитывать каждый грош.

Или она пыталась внушить мне, что намерена деликатно надуть их, или же просто меня удивляли такие вещи со стороны других.

Шагая в сторону старого города и минуя прохожих, я ловил их пристальные взгляды, обращенные, казалось, только на меня. Потом до меня дошло, что никакая это не игра воображения. И дело не в подозрительности. Я сам привлекал их внимание, выглядя как потерянный.

Глубоко вдохнув, я задержал дыхание и, постаравшись успокоиться, спросил Йолу:

– Почему ты мне помогаешь?

– Потому что меня нанял твой, теперь мертвый, собутыльник.

Я промолчал.

– Недостаточно убедительный повод? – нарушила она мое молчание. – Или тебя удивляет моя непосредственность?

На какой из этих вопросов можно дать положительный ответ, я сам не знал.

– Просто удивительно...

– Хочу узнать, почему погиб твой друг, – сказала Йола, – и помочь тебе найти невесту.

– Золотой ты человек!

– Это моя работа. А счет уже оплачен.

Дольше я тянуть не хотел. С Йолой Клизой явно было что-то не в порядке. В лучшем случае она руководствовалась личной заинтересованностью, в худшем – это связано с ее психическим состоянием.

– После того как узнаем, что случилось с Евой, выясним и все остальное, – добавила она.

В эту минуту я не очень-то был в этом уверен.

– Начнем со снимка из твоего телефона, – продолжила Йола. – Можешь описать его в подробностях?

– Конечно, могу! Знаю каждый пиксель.

Бесцельно крутясь в центре города, я описывал фото в мельчайших деталях, а Клиза что-то мурлыкала себе под нос. Я не имел понятия, для чего ей нужны запрашиваемые сведения. Если она хотела иметь этот снимок, то стоило углубиться в технологическую часть вопроса и получить удаленный доступ к моему телефону, лежащему в каком-то там сейфе комендатуры.

– Ладно, перейдем к другому снимку – тому, из Вроцлава.

Его я помнил хуже, но всматривался в него тогда так долго, что основные детали немедленно всплыли в памяти.

– Мужик, стоящий задом, был в фанатской кофте рок-группы «Фу файтерс» с надписью на английском языке «Нечего терять» и изображением бомбы с крылышками – наверное, их логотипом или обложкой альбома, хотя точно не знаю.

– А Ева? Была одета похоже?

– Не совсем. Была в футболке, но с другой надписью.

– С какой?

– Что-то о добрых днях...

– Конкретно, Верн. Нужна конкретика.

– «The better days» – «Лучшие дни», – вспомнил я.

– Уверен?

– Да.

– Не похоже, чтобы ты там был...

Она была права – не был. Название группы я увидел тогда в первый раз, перепутав его с каким-то иным коллективом с неземным названием.

Остановившись позади многоэтажного блочного дома, я привалился плечом к его стене. Только теперь осознал, что кружил по городу как во сне. Даже не мог сориентироваться, где нахожусь. Скорее всего, где-то в конце улиц Андерса и Варыньского.

– Может, без «The»? Просто «Better days»? – уточнил я.

Было слышно, как Йола стучит пальцами по клавиатуре.

– С восклицательным знаком или без?

– Без.

– Значит, это не альбом «Зе брузерс». Жаль, они играют неплохой панк...

Откинув голову на стену, я почувствовал, как стучит у меня в висках. Действие адреналина понемногу слабело, хотя, возможно, и не должно было слабеть. Похмелье давало о себе знать.

– Какое это имеет значение? – заметил я.

– Может быть, никакого, а может, и имеет, – дипломатично ответила Клиза. – Помнишь название коллектива?

– Нет.

– Но это были не «Фу файтерс»?

– Нет, точно нет. То была какая-то испанская команда.

– Какая?

– Говорю же тебе, что...

– Соберись! Это действительно может оказаться важным.

– Почему?

– Потому что обычно на концерт приходят в вещах с принтом коллектива, выступающего на сцене. Так ведь?

Она была права, но я не придавал этому большого значения. Ева никогда не увлекалась «Фу файтерс», утверждая, что они, по ее мнению, играют слишком хаотично. Я помнил это прекрасно, так как Блицер не раз пытался заинтересовать нас их новым альбомом.

Я углубился в собственную память, пытаясь выловить в ней принт на майке. Он в большей степени выглядел как работа доморощенного мазила, а не профессионально выполненный рисунок с обложки какого-нибудь альбома. Может быть, поэтому я сразу подумал об инди-роковых коллективах.

– Так как эта команда называлась? – напомнила о себе Йола.

Я потер виски, стараясь связать какой-нибудь элемент с другим, чтобы попасть на нужное направление или вспомнить хоть одну подробность, которая поможет мне вызвать из провала в памяти необходимую информацию.

В конце концов у меня в голове что-то замаячило.

– Подожди, – стал припоминать я. – Это напомнило мне образ футболиста, надевавшего маску Человека-паука.

– Не поняла...

– Был такой аргентинский профессионал, который, забив гол, надевал маску и изображал, что пустил паутину из запястья.

Клиза молчала.

– В свое время я был помешан на Человеке-пауке.

– Угу.

– Ева относилась к этому нормально, хотя сама вроде в детстве не имела к нему никакого интереса. Она увлекалась археологией. Особенно интересовал ее период начала оседлости поляков на своих землях.

Йола тихонько кашлянула.

– Каждый изворачивается по-своему, – добавил я.

Она все так же не отвечала, и мне подумалось: «А может, не случайно на майке Евы была изображена команда, чье название связано у меня с обожаемым героем комиксов?»

Нет, видимо, случайно. И я просто ищу скрытое значение там, где его нет. Или все же...

– Проверь это в...

– Конечно, я уже «погуглила», – опередила меня Йола. – Этот футболист – Хосе Гутьеррес.

– Гутьеррес! – подтвердил я, прищелкнув пальцами. – На ее майке была такая надпись.

Моя собеседница вновь замолчала, а для меня ее молчания хватило, чтобы дойти до сердечной боли. Если раньше я мог охотно говорить о Человеке-пауке, то теперь его образ вызывал у меня тревогу.

– Ты здесь? – позвал я.

– Д-да... – Голос у Клизы был слабым, словно все силы внезапно покинули ее. Мне представилось, как она побледнела.

– Что-то не так?

– Название, – заговорила она. – Это было «Наталя Гутьеррес и Анжело»?

– Возможно.

– Боже...

– Ты о чем?

Йола не ответила.

– Алло! – повысил я голос. – Что происходит?

– Это больше, чем я могла представить...

9

Я даже не помышляла о таком, и когда Клиза спросила меня, может ли она приехать на виллу вместо того, чтобы рассказать мне все по телефону, сразу согласилась. Хотя и знала, что заставлю Роберта нервничать из-за этого. Он не любил, когда я принимала подобные решения, не посоветовавшись с ним.

Для других пар это было бы обычной ситуацией – знакомые могли нагрянуть к ним даже без приглашения. У нас, однако, было иначе. Если мы кого-то принимали, то все должно было быть оговорено за несколько дней до того. Роберт готовился сам и давал мне время подготовить дом.

Они с Войтеком приехали перед тем, как явилась Клиза, и у меня еще была возможность привести себя в порядок, чтобы не давать мужу повод для замечаний.

Войтек бросил ранец на пол в прихожей и сразу направился в свою комнату.

– Ты куда? – спросила я, стоя в дверях зала.

Он остановился и смерил меня взглядом.

– Привет, мама!

– Привет, озорник!

Сын подошел и обнял меня. Он был еще в таком возрасте, что делал это без смущения, но я прекрасно понимала: такое продлится еще три, от силы четыре года. Достаточно того, что школьные товарищи, увидев, как я иногда на прощанье целую его возле школы, начинают над ним подсмеиваться. В такой день Войтек возвращается домой с поникшей головой, и все нежности кончаются.

Я взлохмтила ему волосы и хотела сказать, чтобы убрал ранец, но Роберт уже поднял его. Он был прекрасным отцом – даже лучше, чем тот, о каком я мечтала для Войтека. Может, ему не хватало лишь немного дальновидности, когда он подкатывал на «БМВ» к школе, но во всем остальном он был почти идеален.

То, чего ему не хватало как мужу, Роберт восполнял как отец. Наверное, я еще и поэтому прощала ему все плохое, что он делал со мной. А потом это стало повседневностью... Переживания, испытываемые мной в тяжелые минуты, не компенсировало никакое удовлетворение. И даже если подобное происходило, то чувство это пропадало так же быстро, как мое упрямство после очередного конфликта.

– Что в школе? – спросила я.

Сын, не ответив, зыркнул в сторону своей комнаты. Я прекрасно знала, что все думки у него сейчас о том, чтобы поскорее усесться за ноутбук. Это помимо того, что в школе наверняка неустанно шарился по сетям в смартфоне, а в машине сразу включил планшет.

– Ничего интересного, – после короткой паузы ответил Войтек.

С ним я тоже должна была ежедневно вытанцовывать. Начиналось с «ничего интересного», а потом я постепенно вытягивала из него подробности. В этот день, однако, позволить себе такого не могла. Отпустила Войтека в комнату и сдержанно улыбнулась Роберту, ставившему ранец за порогом. Он по-прежнему поглядывал на меня с заметной опаской, осознавая, что вчерашнее нарушение им очередной «границы» предрекает ему горение в адском пламени и это пламя связано со мной.

Приблизившись, я взяла его за руку и тихо сообщила:

– Клиза напала на что-то существенное. Скорее всего, та девушка прислала какое-то послание.

– Послание?

– Йола не захотела сообщать подробности по телефону. Хочет поговорить с глазу на глаз.

– Так, может, я доброшу тебя до «Балтик Пайп»?

– Я сказала ей, что желательно приехать сюда, – сказала я быстро. – Это не займет много времени. Мы посидим на втором этаже, в моем кабинете.

Это помещение, довольно просторное, не в полной мере относилось ко второму этажу, а являлось скорее чердачным. Но мне нравятся скошенные потолки. Это было мое святилище, в котором я чувствовала себя комфортно. Но выбрала для своего кабинета именно его не только поэтому. Сначала я не осознавала, а потом поняла, что это было единственное помещение, в которое Роберт действительно никогда не входил и в котором ни разу меня не ударил. Пока...

Я отогнала негативные мысли, хотя при виде мужнина лица это удалось мне с трудом.

– Здесь? – спросил он и сердито поджал губы.

Недовольно поведя головой, отвернулся и пошел в кухню. Молча, нервно дернул дверцу холодильника. Снова повел головой. Я физически ощущала, как в нем нарастает злость.

Роберт вынул вино, налил себе и опорожнил полный бокал двумя большими, быстрыми глотками. Потом возмущенно спросил:

– Сколько раз мы будем возвращаться к одной и той же теме?

– Она спросила, а я просто...

– Ты ведь знаешь, что я не люблю неожиданных гостей!

– Знаю, но это же касается работы. Мы всё быстро обсудим в моем кабинете.

– Нельзя было встретиться в баре? – Роберт отвернулся, но я успела увидеть, как в его глазах вспыхивают один за другим гневные огоньки. – Тебе там плохо? – снова начал заводить он.

– Нет, но я не хотела лишний раз причинять тебе расход.

– Какой расход? По крайней мере это стоит меньше, чем терпеть присутствие в доме чужого человека.

– Она – твоя сотрудница, Роберт...

Он так неожиданно шагнул ко мне, что я невольно отшатнулась. Обычно это было признаком начинающейся разборки. Однако на этот раз Роберт вовремя сдержал себя.

– Мы не станем сюда входить, – примирительно сказала я, окинув взглядом зал, совмещенный с кухней. – Сразу пойдем наверх.

Роберт не отозвался. Несколько секунд спустя яростно глянул на меня, и я испугалась, что он вот-вот утратит над собой контроль, ударит меня – и тогда возврата уже не будет.

Но сейчас меня беспокоило не то, что может дойти до рукоприкладства, а что я не могу отменить встречу. Может, он сам позвонит Клизе и скажет, что я себя плохо почувствовала? Подобные сценарии мы разыгрывали уже не раз.

Роберт сделал очередной шаг ко мне, как вдруг раздался сигнал следящей системы, издающий о том, что кто-то появился у ворот. Мы молча посмотрели друг на друга.

– Можешь отправить ее восвояси, – сказала я неуверенно.

– Сейчас? – он фыркнул. – И что ты ей скажешь?

– Я не обязана ей ничего объяснять.

– Нет, – холодно заключил Роберт. – Пусть войдет.

Он сам отворил калитку и уселся на диване, незаметный из коридора. И сидел молча, когда мы с Йолой поднимались на второй этаж.

Я думала, что Клиза поведет себя точно так же, как и другие гости, посетившие нас в первый раз, – бесконечно будет все разглядывать, выдавая многочисленные комплименты и ахи-охи восторга. Одних изумляла картина, открывающаяся взору из зала через почти полностью застекленную стену. Другие восхищались множеством книг на полках, которыми была уставлена просторная лестничная площадка.

Однако Йола прошла в мой кабинет, словно ничего не заметив. Заговорила лишь внутри, усаживаясь за маленький столик под большими окнами, встроенными в крышу дома. Кроме

столика в кабинете находились мой письменный стол, несколько стульев и небольшие книжные стеллажи.

Она оперлась на столешницу локтями и нервно потерла лицо ладонями, оставив на щеках красные следы. Потом глянула на меня так, что стало понятно – через мгновение я услышу нечто неприятное.

– Мне просто не верится, – начала Клиза. – Чудовищно запутанное дело!

Я села рядом с ней.

– Что нарыла?

– В общем-то, не я, а сам Верн.

Я приподняла брови.

– То есть Вернер, – уточнила Йола и, взмахнув рукой, продолжила: – Мы пришли к этому совместными усилиями, но инициировала все Ева.

– Что конкретно?

Йола поудобнее уселась на стуле и откашлялась.

– На том снимке, который, к сожалению, кто-то удалил с фанатской страницы, Ева была в майке, не имевшей ничего общего с «Фу файтерс».

– Хм...

– Это был их концерт. А она была в футболке с названием другой группы.

– Ну и что?

– Только то, что это привлекло мое внимание. Верн покопался немного в памяти, я помогла ему, и мы установили, что на майке были «Наталья Гутьеррес и Анжело».

– Ни о чем не говорит...

– «Лучшие дни», – подсказала Йола.

– Тоже ни о чем не говорит.

– А должно бы. Потому что это было громкое дело.

Я посмотрела на нее, слегка напряженная, поскольку боялась, что когда мы перейдем к основному, Роберт постучит в дверь, извинится перед Йолой и сообщит, что по какому-то поводу нам с ним нужно уйти. На какое-то время он придержал эмоции, но я достаточно хорошо знала своего мужа и то, что надолго его выдержки не хватит.

– Наверняка ты слышала о РВСК, – бросила Йола.

– Слышала. Некоторое время назад они заключили непрочный мир с правительством Колумбии.

Я знала об этом революционном партизанском движении благодаря тому, что одно время все СМИ громко трубили о мире, установленном в 2016 году после 50-летней кровавой гражданской войны в Колумбии. Она унесла жизни более 200 тысяч человек, а 5 миллионов стали беженцами. Сыгравший главную роль в достижении мира душ Сантуш получил за это Нобелевскую премию. Но дело запомнилось мне по иной причине.

Колумбийцы должны были утвердить мир с помощью референдума, но ничего не получилось – из-за недостаточного количества необходимых голосов. От мира отказались потому, что, согласно договоренности, некоторые преступники остались бы безнаказанными за свои кровавые дела. Это решение было нерациональным, но мне почему-то понравилось.

– Замечательно! – сказала Йола. – В таком случае достаточно и того, что я расскажу тебе о самом главном.

Я жестом поторопила ее, все так же настороженно косясь на дверь.

– В две тысячи десятом году колумбийские силы специального назначения утвердили операцию по налетам на базы РВСК, – продолжила Клиза, выпрямляясь. – Во время одного из них ставилась задача отбить заложников, пребывавших в заточении почти десять лет. Но нужно было заранее поставить их об этом в известность.

– Зачем?

– Потому что боевики РВСК сразу расстреливали заложников, едва лишь узнавали или подозревали о намерениях правительства их отбить.

– Понятно.

– Перед командовавшим акцией полковником Эспейо встала проблема. Надо было тайно сообщить заложникам, чтобы те ждали помощь и готовились к побегу. Десять лет с ними не было никакой связи, а любая информация, даже зашифрованная, быстро становилась известна партизанам.

Я кивала, надеясь, что Клиза поторопится.

Военный решил привлечь специалиста-маркетолога Хуана Карлоса Ортиза, которому нужно было испытать новый метод передачи информации.

– И что он использовал?

– Азбуку Морзе.

– Очень инновационный метод, – улыбнулась я.

– Партизаны владели им очень слабо, – продолжала непоколебимая Клиза. – Зато удерживаемые в плену военные знали азбуку Морзе превосходно. И Ортиз исходил из того, что они сразу прочтут написанное с ее помощью сообщение.

– Это всё...

– Конечно, он не мог передать его напрямую, – не останавливалась Йола. – Дело даже не в том, что боевики из РСВК не сумели бы расшифровать сообщение. Проблемой было то, как сделать так, чтобы заложники вообще получили сигнал. Ведь они содержались в джунглях, вдали от цивилизации... Так вот, Ортиз придумал зашифровать его в песенке, которую затем транслировали бы через очень мощные усилители.

Я недоуменно наморщила лоб.

– Наняли пару артистов и целый коллектив композиторов, чтобы сочинить соответствующую мелодию. Это оказалось довольно просто, а в припев поместили около двадцати слов, составлявших текст сообщения. В целом песня выглядела как типичный попсовый хит с электронными вставками, в которые вписались символы азбуки Морзе.

– Неплохо.

– Песенку стали крутить неподалеку от черты джунглей. Считалось, что ее слышали около трех миллионов человек. Но зашифрованное сообщение распознали только те, кому это было нужно. Операция по освобождению заложников прошла успешно.

– Но какая здесь связь с Евой?

– Такая, что тех двоих артистов, которые исполняли песенку с зашифрованным сообщением, звали Наталья Гутьеррес и Анжело. А песенка называлась...

– «Лучшие дни», – закончила я за нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.